

Владислав Зритнев
Меч, подобный распятию
Рассказы о крестоносцах

II

Владислав Зритнев
Меч, подобный распятию II
Серия «Меч, подобный
распятию», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68894580

SelfPub; 2023

Аннотация

Вторая книга о приключениях рыцарей вновь перенесет читателей в Средневековье. Гремит война за Святую землю, армии сходятся в грандиозных сражениях, тамплиеры плетут интриги, прекрасная паломница пробирается в захваченный Иерусалим, а пятеро друзей-крестоносцев, как всегда, оказываются в центре событий.

Содержание

Рыцарь Яблочный Джек, или Поединок с серебряным львом	4
Рыцарь Твердое сердце, или Сарацинская башня страха	44
Тень храма Соломона, или Загадка Горностаевого рыцаря	80
Гербы крестоносцев	120
Ричард Корнелий	120
Артур Бэртон	123
Джек	125
Бан	127
Кристофер Джефферсон	129

Владислав Зритнев

Меч, подобный распятью II

Рыцарь Яблочный Джек, или Поединок с серебряным львом

Золотое поле, усеянное яблоками – щит с таким ярким гербом висел на боку скромной лошадки, неспешно бредущей по узкой дороге. Покачиваясь в такт тихому шагу кобылы, в потертом седле дремал молодой всадник. На вид он казался чуть старше двадцати лет. В ножнах на поясе болтался одноручный меч, из заплечного мешка блестел край турнирного шлема, также украшенного зеленым яблоком. Рыцарь улыбался во сне. Кажется, он был немного пьян.

Судьба молодого человека была незатейлива и проста, как у всякого четвертого сына дворянской семьи того времени. По традиции, старший из братьев наследовал владения отца, второй – делал рыцарскую карьеру при дворе или в армии, третий – шел по духовной стезе, а участь младшего была неопределенна. Поэтому, зачастую, из четвертых сыновей благородных фамилий получались странники, искатели приключений и... крестоносцы.

Да, молодой человек направлялся в крестовый поход.

Нельзя сказать, чтобы он очень хорошо подходил для этой роли. Гораздо увереннее он чувствовал себя, держа в руке кружку эля, а не меч. Но так уж распорядилось провидение, а с ним, как известно, поспорить трудно. Да он и не пытался этого сделать.

Звали рыцаря Джеком. За необычный герб, а еще, возможно, за пристрастие к сидру, повсюду за ним следовало прозвище – Яблочный Джек. И надо сказать, оно очень ему подходило. Кроме яблок на гербе рыцаря красовался девиз: «Доброе семя – добрые плоды», отлично дополняющий рисунок щита. В общем, герб его производил впечатление приятное и жизнеутверждающее, чем полностью соответствовал характеру своего владельца. Джек не был героем, но зато обаяния и веселья у него имелось в избытке.

Лошадь споткнулась, и всадник очнулся от дремы.

– Что же ты, Pomme¹, устала идти? – проговорил он, потрепав кобылу по гриве. – Ничего, скоро доберемся до гавани, и я продам тебя местным крестьянам – на Востоке ты мне не годишься. Там нужны кони похрабрее тебя, да попорворнее. А ты будешь возить молоко на базар и дрова из лесу, тебя поставят в конюшню... И так ты тихо доживешь свой лошадиный век в то время, как я сложу голову где-нибудь в песках Сирии...

Он от души рассмеялся, сам довольный пришедшими ему в голову образами, и легонько дал лошади шпор.

¹ Pomme (фр.) – Яблоко.

– Ну, Ромме, еще немного! Пробеги еще чуть-чуть и получишь овса и отдых. Я вижу, впереди поднимается дымок от очага. Видимо, там какое-то селение...

Он пришпорил ее еще, и кобыла послушно ускорила шаг. Дорога пылила под копытами. Впереди, скрытая от глаз густым лесом, находилась деревня, а может, даже маленький городок. Над кронами деревьев вилась сизая змейка дыма, и по мере приближения всадника все явственнее в воздухе ощущался запах готовящегося хлеба. Лошадка Ромме почувствовала обжитые места и стала бежать бодрее.

Вскоре они добрались до средних размеров деревни. На въезде в нее возле хибары в запущенном огороде копался мужчина. Джек окликнул его:

– Эй, друг! Не подскажешь, где здесь можно опрокинуть кружечку да дать лошади корма?

Мужчина поднял взор от земли и грязными руками оттер пот со лба. Он недобро глянул на Джека и сквозь зубы проговорил:

– Не пристало благородному рыцарю называть другом простого человека... Не пристало шутить так и задавать вопросы...

– Да я не думал тебя расстроить!.. – растерявшись, сказал Джек. – Просто хотел спросить, где тут хороший трактир?

– Там, – крестьянин сердито махнул рукой *вправо*, – не хороший и не плохой, а единственный...

Не добавив более ничего, он мрачно уткнулся в грядки.

Удивленный, Джек отъехал от него прочь.

Вскоре рыцарь смог разыскать трактир. Довольно крупное строение пряталось за холмом, отчего с дороги его не было видно. Такое расположение для трактира казалось достаточно странным, но, возможно, хозяева заведения не стремились к большому количеству постояльцев, а может, ранее дорога пролегла с другой стороны.

Дом, построенный частично из дерева, частично из камня, был крепко сработан. Джек отметил, что за зданием и прилегающим участком хорошо следили: зеленые ставни радовали глаз свежей краской, сорную траву на лужайке аккуратно выпалывали. Над дверью находилась большая вывеска. «Трактир Пьяный дракон» – прочитал рыцарь. Рядом с надписью красовалась наивно изображенная деревенским живописцем виверна. Она уткнула морду в кружку пенного пива, которую ловко держала, обернув хвостом.

Джек толкнул дверь и вошел в обеденный зал. Вдоль стены стояли деревянные лавки и столы. За одним из них два человека негромко разговаривали, потягивая эль. В глубине зала возле печи и огромной бочки Джек увидел рыжеволосую красавицу лет тридцати, видимо – хозяйку трактира. Она протирала глиняные кружки, и вид ее, как показалось рыцарю, выражал скуку.

– Чем могу служить? – спросила женщина, подняв глаза и увидев гостя.

– Обедом, ночлегом да сеном для моей лошади, – улыба-

ясь, промолвил Джек.

Взгляд красавицы оживился, оценивающе скользнул по нему, и она тотчас начала наливать большую кружку для нового гостя.

Тем временем на дороге, по которой только что въехал в деревню Джек, показался еще один молодой рыцарь. На лице его читались решительность и нетерпение. Он ехал на мощном белой масти коне, стремительно бежавшем размашистой рысью. Всадник сидел в седле, откинувшись чуть назад, и держал поводья одной рукой, вторую небрежно положив на рукоятку длинного меча, висящего у пояса. К седлу был привязан помятый топхельм². На плаще были вышиты рыцарский герб и девиз: в червленом щите меж серебряными столбами того же металла – лев; под щитом начертано: «Не клыками, но храбростью».

Сердитый крестьянин возле околицы все еще возился со своим огородом.

– Эй, мужик! – подъезжая, крикнул Рыцарь с Серебряным Львом. – Где здесь трактир? Говори, да побыстрее!

– Еще один... – начал селянин, зло сплюнув себе под ноги. – Ездят к этой беспутнице!..

– Что!? Что ты там бормочешь? – командным голосом закричал рыцарь, горячий конь, громко фыркая, ходил под седоком. – Отвечай на вопрос, не то сейчас слезу с седла и

² Топхельм – рыцарский шлем, внешне напоминающий ведро с прорезями для глаз.

сверну тебе шею!

Крестьянин понял, что с *этим* путником лучше не связываться.

– Там, сэр, – вяло указал он рукой *налево*.

– Пошел! – рыцарь стеганул коня, и тот большими прыжками поскакал к трактиру.

Тем временем Джек с удовольствием пил сидр, ел свежий хлеб с сыром, а также украдкой любовался статной фигурой трактирщицы.

– Я давно в пути и проехал третью часть страны, – начал Джек, – но такого вкусного сидра не пил еще ни в одном трактире...

Она, кажется, была рада поговорить.

– Действительно, мои напитки лучшие на всю округу, – с гордостью сказала красотка, – это заведение основал мой муж, и сидр тоже приготовлен по его особому рецепту...

– Ваш муж, вероятно, сейчас в отъезде? – рыцарь попытался деликатно выяснить заинтересовавший его вопрос.

– Я вдова, – промолвила женщина и опустила глаза.

В эту секунду в трактир вошел Рыцарь с Серебряным Львом. Он сел на ближайшую лавку, резко лягнув концом длинных ножен по полу, и громко потребовал:

– Скорее несите обед будущему защитнику Святой земли! Живо!

Двое сидящих с элем за соседним столом при этих словах обернулись. Это были молодые люди, также недавно прие-

хавшие в трактир, и, судя по всему, тоже – рыцари. Один из них круглолицый в коричневом кафтане и с серебряным перстнем на указательном пальце правой руки с любопытством взглянул на вошедшего и что-то сказал своему собеседнику. Второй – высокий и худощавый – соглашаясь, кивнул. Одет он был в очень простой серый дорожный плащ, но на его шее висел золотой рыцарский медальон, стоящий, по всей видимости, целое состояние.

Возле лавки стояли их прислоненные щиты с гербами. У круглолицего герб был лаконичный: черный брусок в серебряном поле. А у его собеседника – посложней: черное поле, отороченное горностаевой каймой, а в нем – золотой крест. Очень дорогой медальон и горностаи в щите подсказывали, что рыцарь в сером плаще являлся не простым человеком и совершенно точно имел какой-нибудь титул.

– Вы что же, направляетесь в Палестину? – переспросил один из них у вошедшего.

– Именно туда! – ответил Рыцарь с Серебряным Львом. – За возвращением утраченного и для отмщения врагам! А почему вас это интересует?

– Мы тоже едем в крестовый поход... – пояснил тот, у которого был горностаи в гербе. – Как и многие, мы хотим послужить Господу, защищая Святой Гроб Его от посягательств жестоких сарацин...

Его товарищ молча кивнул, подтверждая намерение отдать жизнь в борьбе за Святую Землю.

– Печальные дела творятся на Востоке, – продолжал крестоносец в сером плаще, – наш общий долг сейчас и общая цель – разбить армию Саладина. И потому мы все должны объединять усилия. Отобедайте с нами, к сожалению, я не знаю вашего титула и имени, но предлагаю разделить с нами трапезу...

– Почту за честь! Сэр Артур Бэртон! – представился Рыцарь с Серебряным Львом, присаживаясь за их стол. – Я сын крестоносца, погибшего в Палестине во времена короля Болдуина IV...

– Я – лорд Кристофер Джефферсон, – назвал себя Горностаевый рыцарь. – А это – сэр Бан из Йоркшира...

Его товарищ вновь молча кивнул.

В этот момент, оставшийся незамеченным, Джек решил вмешаться в беседу. Он уже немного захмелел от выпитого сидра и тоже захотел сообщить, что едет в Святую Землю.

– Простите, что ввязываюсь в ваш разговор, – сказал он, на время забыв о прекрасной трактирщице, – но случайно я услышал, что вы крестоносцы, так же, как я. И не мог оставить без внимания данное совпадение. Меня зовут Яблочным Джеком – у меня яблоки на гербе...

Такое окончание речи насмешило Артура, но он сумел сдержать улыбку.

– И вправду, занятный случай, что судьба собрала нас всех в одно время в этом трактире, – промолвил Бэртон. – Хотя сейчас в этом нет ничего столь уж особенного – теперь почти

каждый нашивает на плащ крест и отправляется на Восток. Впрочем, какой-то знак провидения в нашей встрече, наверное, все-таки есть...

Трактирщица принесла еще эля, сидра и хлеба. Джек присел за их стол. Они наполнили кружки и, от души стукнувшись ими, продолжили разговор.

Крестonosцы обсуждали положение дел на Востоке и обменивались слухами, спорили о полководческих способностях Саладина и Ричарда Львиное Сердце. Постепенно рыцари пьянели, разговор их приобретал все более задиристый тон. Они начали хвастаться и обмениваться колкостями.

– Какой у вас девиз, Бан? – спрашивал Артур.

– «Тверд, как камень», – коротко отвечал немногословный Бан и вновь утыкался в кружку.

– А у вас, Джефферсон?

Тот терялся.

– Он написан латынью... – наконец сконфуженно говорил Кристофер.

Никто в компании (включая самого Джефферсона) латинского языка не знал, и потому надпись на его гербе, увы, осталась загадкой. Это очень развеселило остальных.

– А ваш герб что означает, Бэртон? – спросил Джек.

– Это просто: лев знаменит не клыками, но храбростью...

– А почему лев серебряный? Не хватило денег на золотого? – забывшись, без всякой задней мысли в шутку выпалил Джек. Острота показалась ему очень удачной, и на самом де-

ле он вовсе не хотел обидеть Артура Бэртона. Однако опрометчивые слова задели гордость рыцаря с серебряным хищником. Тщеславный Артур не мог смолчать.

– Серебряный цвет кажется мне более красивым, чем золотой, – холодно ответил он, – и, уж, конечно, более красивым, чем зеленый. Что же касается льва, то он хоть золотой, хоть серебряный, хоть любого другого цвета, с хрустом съест всякое яблоко и не подавится!

Это был уже переход на личности, но все же первую ошибку допустил Джек. Не стоило задевать такого человека как Артур Бэртон. Тем не менее Джек был уже слишком пьян, чтобы осознать собственную неправоту. Выпивка придала ему храбрости, и он решил попрепираться.

– Не съест, – сказал он.

Бэртон начал розоветь.

– А, может, проверим?.. – предложил он.

Поняв, что беседа идет к ссоре, которая не имела бы ни причины, ни смысла и никому на самом деле не была нужна, Джефферсон попробовал направить разговор в другое русло.

– Действительно, – неожиданно сказал Кристофер, – отчего бы и не проверить? Все мы проделали долгий путь и нуждаемся в отдыхе, как и наши лошади. Поэтому следующие сутки мы, я думаю, все равно проведем здесь. А раз так, то чтобы в этот день не скучать и чтобы поразмяться перед предстоящими битвами в Палестине, предлагаю завтра

устроить турнир! Так мы определим сильнейшего среди нас рыцаря и посмотрим – съест ли лев яблочко или подавится камешком?

Горностаевый рыцарь умел добиваться целей. И в этот раз его слова тоже подействовали как надо. Напряжение спало, а предложение показалось интересным. Развлечений в Средние века имелось не так много, а для знати приличными считались и вовсе только два вида – охота или турниры. Причем вторые случались гораздо реже. И потому идея Джефферсона вызвала неподдельный энтузиазм. Молодые люди забыли о начинающейся ссоре и тотчас увлеклись обсуждением правил предстоящего состязания.

Но не таков был Артур Бэртон, чтобы оставить обиду, пусть даже малую, совсем уж без компенсации. Заходя в трактир, он заметил лошадь Джека, привязанную у входа, и опытным взглядом оценил, что стоила она немного. А значит, лишних денег у Джека не было. И это давало возможность поставить его в неудобное положение и так поквитаться с ним.

– Турнир – это и вправду отличная мысль, – с неприкрытым видом проговорил Бэртон, – полезно будет померяться силами и побороться друг с другом. Но чтобы состязания стали еще интереснее, – он не сумел скрыть в глазах торжествующий блеск, – я предлагаю составить приз, который достанется победителю. Скинемся по некоторой сумме, скажем, по три золотых или по двадцать серебряных мо-

нет... А кто против – тот либо трус, либо скупец!

Сказав так, Рыцарь с Серебряным Львом достал из кармана три золотых византийских монеты и положил их на стол.

– Отличное предложение! – поддержал Кристофер и высыпал рядом двадцать монет серебром, его примеру последовал Бан.

Джек приуныл. Проницательный Артур все понял правильно – денег у него не было. Незадачливый рыцарь отошел к своему дорожному мешку и стал делать вид, что роется в нем, ища монеты, но на самом деле искал в собственной голове достойное оправдание. Только ничего придумать не получалось, а значит пришлось бы признаваться либо в отсутствии храбрости, либо в жадности, либо в бедности – и все было унижительно. Бэртон удовлетворенно наблюдал за ним и посмеивался в душе.

Но неожиданные обстоятельства внезапно помогли Джеку. Хозяйка трактира слышала последние слова крестоносцев и догадалась о причине его замешательства. Проходя мимо, она украдкой шепнула:

– Я вам займу...

И незаметно положила в карман рыцаря три золотых монетки. Растерявшись, Джек не успел ничего ответить, а трактирщица уже как ни в чем не бывало отошла от него и вновь протирала кружки. Никто не обратил внимания на случившееся, и Джек, еще немного покопавшись для виду, небрежно положил на стол свою долю.

– Вот мой взнос, – сказал он.

«Надо же... – удивленно подумал Артур. – Ну, ладно. На турнире сочтемся».

Джефферсон пересчитал монеты и сложил их в свой кошель – его определили казначеем мероприятия.

Состязания решили провести на следующее утро прямо перед трактиром по упрощенным правилам, без герольдов и судей. Но участникам все равно надлежало явиться на турнир торжественно: в доспехах, покрытых гербовыми накидками, и с нашлемными украшениями. Вместо деревянного барьера (за неимением оного) территорию ристалища огородили канатами, привязав к ним полотнища яркой материи, красиво развевавшиеся на ветру. Сражаться договорились только пешими, на булавах и мечах. У крестоносцев не было турнирных копий, и потому конные сшибки не вошли в программу импровизированного турнира. Простой народ по традиции всегда пускали смотреть состязания, и жителей деревни тоже оповестили о готовящемся турнире.

Закончив приготовления, условившись обо всех тонкостях и пропустив еще каплю эля, крестоносцы разошлись отдыхать. Только Джек остался в обеденном зале, он хотел еще немножечко выпить. Кроме того, рыцарь собирался поблагодарить хозяйку трактира за то, что та помогла ему, и сделать это он хотел без свидетелей.

Джек взял кружечку и, присев в угол, неторопливо попил сидр, ожидая пока остальные уйдут. Хозяйка как будто

тоже ждала этого. Она все протирала посуду, которая уже давно была чистой. Когда они наконец остались вдвоем, рыцарь произнес:

– Я очень благодарен вам за проявленное участие. Вы помогли мне выпутаться из крайне глупого положения.

– Не стоит благодарить меня, – проговорила трактирщица, – я всего лишь заняла вам деньги...

– Нет! – насколько мог твердо промолвил Джек. – Вы пришли мне на помощь, а это стоит больше, чем три золотых... Я хотел бы вас как-нибудь отблагодарить...

Она с интересом взглянула на него, ожидая, что еще он скажет. Джек на мгновение задумался и даже смутился, но хмель подсказал ему как продолжить:

– Хотите, завтра на турнире я буду сражаться в вашу честь и даже повяжу на руку ваш шарф, если вы мне позволите...

Рыцарь был молод и пьян. Она не сдержалась и стала громко смеяться. Джек растерянно смотрел на нее, не понимая.

– У меня нет шарфа! – все еще не в силах сдержать смех, с трудом сказала хозяйка трактира. – Вы спутали меня с благородной леди... Если хотите простого человека отблагодарить за занятые деньги – просто верните с процентами, только и всего...

– Так просто?

– Да... Не полотенце же вам повязывать...

– Хорошо, – сказал Джек, потрянув головой, – я отдам вам

весь выигрыш... И обязательно выиграю, не могу же я не вернуть вам долг...

«Милый молодой рыцарь, – подумала женщина – и совсем не воин... Не то, что этот с красно-белым щитом. Не хотелось бы, чтобы он пострадал».

– Вы так уверены в своей победе? – промолвила она. – Вам следует быть осторожным, мне кажется, у вас сильные соперники, особенно один...

– Ну и что же, мне теперь не сражаться? – запальчиво воскликнул Джек. – Вы думаете, я их не одолею?

– Я думаю, что вам следует проявить осторожность, – повторила женщина, – у меня есть одна идея... Я помогла вам один раз и постараюсь помочь второй.

– Что вы имеете в виду? – растерянно проговорил рыцарь.

– Я скажу вам, но не сейчас, – таинственно улыбнувшись, промолвила хозяйка трактира.

– Когда же? – спросил Джек.

– Сегодня ночью, – с еще более загадочной улыбкой ответила женщина.

Джек не знал, что и думать.

– Я ведь и имени вашего даже не знаю, – наконец сказал он.

– Ребекка, Джек, – проговорила она. – Позже я все тебе расскажу. А пока иди, отдохни.

И трактирщица выпроводила его из зала.

Вскоре и Ребекка вышла вслед за ним. Стояла прекрасная

погода. Медленно окрестности окутывал вечер, но до ночи было еще далеко. Легкий ветерок шелестел травинками и яркими цветами, облака в лучах готовящегося к закату солнца начинали мягко розоветь, а края лазурного неба приобретали оранжевые и лиловые оттенки.

Неподалеку от трактира Артур Бэртон упражнялся с мечом. Его щит без дела стоял, прислоненный к дереву, но рыцарь и не нуждался в нем. Артур столь ловко управлялся с клинком, что меч был ему лучшей защитой. Бэртон наносил по воображаемому противнику быстрые выверенные удары и тотчас же защищался от возможной контратаки. Воздух свистел, рассекаемый сталью. Несмотря на выпитый эль, взгляд Артура оставался сосредоточен, а движения лаконичны, точны и правильны. Чувствовалось, что Бэртон не один год совершенствовался в фехтовании и достиг в этом очень высокого мастерства.

Увлеченный своим занятием, он не заметил хозяйку трактира, а может, не счел нужным обратить на нее внимание. Ребекка же напротив, хотя и равнодушная к воинскому искусству, невольно залюбовалась столь мастерским обращением с оружием. Понаблюдав за Артуром несколько минут, трактирщица уже не сомневалась, что он первый претендент на победу в завтрашнем состязании. Более она не могла тратить время и быстро ушла.

Никто не знал, куда ходила Ребекка. Когда через несколько часов она возвратилась обратно, темнота уже окутала зем-

лю. Бэртон давно закончил свои упражнения и ушел отдыхать. Первые звезды засверкали на небе, а окна крестьянских домишек осветились тусклыми лучинами.

Ребекка шла тихо, скрыв лицо капюшоном и пряча в руках под плащом какой-то предмет. Трудно было понять, что это.

Войдя в трактир, она бесшумно прикрыла дверь, и, не зажигая свечей, стала осторожно подниматься по лестнице к комнатам постояльцев. На втором этаже она зашла в одну из спален и тихонько покашляла.

Хотя трактирщица и говорила, что придет сегодня, проснувшийся человек все же был удивлен. Он протер глаза, чтоб убедиться, что это не сон. Женщина молча стояла напротив кровати. В лунном свете был хорошо виден ее статный силуэт и пышные волосы, спадающие на плечи.

Ребекка приложила палец к губам.

– Тише, – проговорила она, остановив возможный возглас изумленного Джека, – не надо будить остальных. Ни к чему им знать то, что я хочу с тобой обсудить.

Рыцарь уже подумал, что привели ее к нему иные намерения, и был немного разочарован таким началом.

– Что же ты хочешь обсудить? – насторожившись, спросил он.

– Твоих новых приятелей и ваш завтрашний турнир, – сказала Ребекка.

– Что же здесь обсуждать? – вновь повторил Джек. – Бог

поможет сильнейшему, а я приложу все силы, чтобы победить...

Он непонимающе взглянул на нее. Хозяйка трактира молчала несколько секунд, подбирая слова.

– Я в этом не сомневаюсь, но... Я видела, как Артур Бэртон упражнялся с мечом. Это настоящий мастер. Тебе не удастся одолеть его, Джек. Про двух других не знаю...

Рыцарь разозлился, сказанное трактирщицей задело его самолюбие. Однако через мгновение он совладал с чувствами.

– Что же, он и вправду так силен? – с сомнением протянул Джек.

– Словно настоящий лев в бою! – горячо сказала Ребекка. – Двигается плавно, быстро и сокрушающе... Видно, что поединки – его стезя.

Джек призадумался – мечник из него был средний.

– Что же мне делать? – проговорил он. – Я ведь должен вернуть тебе долг.

– Должен, Джек. – сказала трактирщица. – И я кое-что придумала, чтобы помочь тебе, как и обещала...

Она скинула плащ. С удивлением рыцарь увидел, что под ним она прятала стеклянный флакон, наполненный непонятной темной жидкостью.

– Что это? – спросил Джек.

– Сонное зелье, – пояснила Ребекка. – Не спрашивай, откуда оно у меня... Но это поможет тебе победить!

Рыцарь не сразу понял ее замысел.

– Я тайно подмешаю зелье твоим соперникам, – продолжила женщина, – и одолеть их станет совсем не трудно. Реакция снизится, скорость движений упадет, в глазах начнет двоиться... Грозный стремительный лев превратится в медленную сонную муху!..

Джек был поражен. Это казалось так просто и действенно, но совершенно бесчестно. Он не мог так поступить.

– Это не по-рыцарски! – замотал головой Джек. – Я не могу на такое согласиться!

Хозяйка трактира приблизилась к нему.

– Это твоя единственная возможность побороть Рыцаря с Серебряным Львом, – мягко, но настойчиво сказала она. – Ты же должен вернуть мне деньги. Никто не узнает об этом...

– Нет, Ребекка!

– Да, Джек! – она коснулась его руки. – Не противься победе!

В темноте он видел ее глаза и чувствовал тепло от ее ладони. Все сошлось против Джека – женщина была очень красива, а он – очень молод и все еще пьян. Денежный долг довлел над ним, а желание победить заглушало совесть.

– Не противься победе, Джек! – повторила трактирщица. – Тем более той, что сама дается в руки!

И Джек не стал противиться. Он притянул Ребекку к себе, она поддалась, их губы слились, и все померкло для пьяного рыцаря...

А когда сознание возвратилось к нему, на дворе уже начинало светать. За окном раздавалось пение птиц, приветствующих восходящее солнце. Ребекки в комнате не было.

Джек медленно вспоминал произошедшее накануне. Поначалу казавшееся столь удачным стечение обстоятельств теперь угнетало его. Он дал согласие на обман. Он занял деньги у женщины, да еще и у простолюдинки. С ее помощью он, возможно, и победит сегодня на этом маленьком глупом турнире, но такая победа не принесет ему радости, а только отнимет честь. Но и отказаться от коварного плана он тоже не мог. Ведь в честном бою ему ни за что не одолеть Артура Бэртона.

Пролежав на кровати час, Джек все думал и думал, а солнце меж тем полностью показалось на лазоревом небосводе. Близилось начало турнира. Джек слышал, как его друзья спускаются на первый этаж, слышал голос трактирщицы, но не разобрал, что она говорила.

В утреннем свете все ужаснее казался ему обман, затеянный Ребеккой. Заглушая муки совести, рыцарь поднялся с постели и побрел вниз. В обеденном зале не было ни души, все уже собрались на площадке перед трактиром. Джек с тоской огляделся. На столе возле пивной бочки неприметно стоял тот самый пузырек, он был почти полностью пуст. Значит изменить ничего уже не получится...

В двери показалась голова Бана.

– Где же вы, Джек? – промолвил он. – Пора начинать, и

мы ждем только вас...

– Иду, – упавшим голосом ответил рыцарь.

Джек вновь глянул на злосчастный флакон. «А кое-что сделать все-таки можно... – неожиданно подумал он. – Чтобы сражаться по-честному». Помедлив мгновение, рыцарь взял пузырек и залпом выпил все, что в нем оставалось.

«Вот так. Теперь шансы равные, – сказал он себе, – сон сморит всех. А до того, может быть, Бэртон успеет проломить мне голову, чтобы не пришлось возвращать долг Ребекке...».

С такими мыслями Яблочный Джек вышел из трактира. Яркие солнечные лучи ударили по глазам. Снадобье действовало не сразу – ни он, ни другие еще не почувствовали его эффект. Стоящая неподалеку Ребекка многозначительно улыбнулась Джеку, но ему не хотелось улыбаться в ответ. Остальные рыцари в гербовых накидках-сюрко уже ожидали возле ристалища. Поглазеть на турнир собралось и человек пятнадцать крестьян, в предвкушении зрелища галдевших, словно сороки.

Артур Бэртон выступил вперед. Лев, вышитый на его сюрко, яростно скалился и, казалось, рвался в битву.

– Вы долго спите, сэр Джек! – насмешливо сказал Артур. – Я уже было решил, что вы передумали...

– Что вы! Я полон решимости, – промолвил Джек, пряча взгляд.

– Ну, тогда начнем... – Бэртон перепрыгнул невысокое

ограждение ристалища и вынул меч. – Я бросаю вызов! Кто первый?

Артур был совершенно уверен в себе. Меч достался ему от отца, а учил им владеть его дядя – крестоносец, выдающийся воин, служивший в пограничном Кераке и зарубивший множество сарацин. И выучил хорошо, длинный меч как влитой лежал в руке Бэртона. Артур крест-накрест со свистом рассек воздух перед собой. Солнечные лучи засверкали на корнуэльском клинке.

– Я попробую! – Горностаевый рыцарь почти так же легко, как Артур, перепрыгнул ограждение.

Бэртон приготовился к бою. Он сразу нанес молниеносный удар, но Кристофер ловко отбил меч и контратаковал. Артур задал поединку очень высокий темп, намереваясь измотать противника. Однако Джефферсон легко выдерживал навязанную скорость и пытался поймать Бэртона на ошибке.

Только Рыцарь с Серебряным Львом никогда не ошибался в бою. В жизни – да, но не в сражении. И все хитроумные комбинации Кристофера не достигали цели.

Поединок был невероятно интересен, зрители с восторгом наблюдали за рыцарями. «Серебряный Лев!» – кричали они, когда Бэртон атаковал. Но нашлись и те, кто поддерживал Джефферсона. Эти выкрикивали: «Горностай! Горностай!».

Постепенно план Артура срабатывал – Кристофер начал уставать. Бэртон провел серию рубящих ударов, от которых Горностаевый рыцарь едва успел защититься, и в этот мо-

мент Артур как будто открылся. Увидев это, Джефферсон сделал длинный выпад, почти опустившись на одно колено. Он целился прямо в вышитого на груди противника льва. Но Артур Бэртон применил свой излюбленный турнирный прием – непринужденно уйдя на полшага в сторону, он в ту же секунду резко ударил в основание меча Кристофера. Рука у того разжалась и выпустила рукоять. Клинок упал на землю, а Джефферсон так и остался стоять на одном колене.

– Ну, Кристофер, отдавайте мне шлем! – негромко проговорил Артур.

– Он ваш по праву, – ответил Горностаевый рыцарь, – вы, действительно, великолепный боец...

– Вы тоже достойно сражались, – сказал Бэртон, и это было правдой.

Следующими на ристалище вышли Джек и Бан. В этот раз поединок начался скромнее – никто не прыгал через барьер. Соперники стали друг против друга и не торопились вступить в схватку.

– Что же вы не нападаете? – сказал Джек.

– Жду, когда вы начнете... – скромно ответил Бан. Это была его манера. Не очень ловкий в атаке, защищаться он умел хорошо. И редко кому удавалось пробить оборону Бана.

Зрители казались разочарованными затянувшимся началом. Джек не стал дальше тратить время и осторожно попытался клинком обнаружить уязвимые места соперника. Но

все его выпады Бан блокировал безупречной защитой.

Этот бой получился не такой зрелищный, как предыдущий. Не было здесь ни захватывающей скорости, ни коварных неожиданных ударов, а только осторожность и четкая старательная работа. Они оба уступали и Кристоферу и тем более Артуру Бэртону, а между ними двумя все-таки лучше был Бан, благодаря своей стойкой защите. И Яблочный Джек, скорее всего, проиграл бы поединок. Но зелье Ребекки постепенно начинало действовать...

Бан и сам не заметил, как его реакция сильно замедлилась. Неожиданно он пропустил простой боковой удар. Меч Джека со звоном ударил по шлему, и Бан рухнул навзничь. Удар был не такой уж и сильный, однако Рыцарь с Камнем в гербе, лежал на земле без чувств. Все подумали, что он оглушен, но на самом деле его сразила дрема. Бана оттащили в тень и положили под деревом. Так Джеку удалось одержать первую победу. Но это было самое легкое, теперь предстояло помериться силами с Артуром Бэртоном.

Рыцарь с Серебряным Львом, все время, пока Джек с Баном сражались, нетерпеливо прохаживался вдоль ограды ристалища и внимательно наблюдал, оценивая силы возможных соперников. Очень скоро он убедился, что оба не представляют для него опасности.

Когда бесчувственного Бана отволокли прочь, зрители громко загудели, требуя решающего боя. Джек опасался Бэртона, понимая его превосходство, но выбора не оставалось.

Кое-как он перебрался через ограду и встал с клинком перед Артуром.

Все ожидали стремительной атаки, однако Бэртон внезапно взмахнул рукой.

– Эй, народ! – прокричал он, обращаясь к зрителям. – Вам не надоели еще поединки мечников? Давайте разнообразим турнир! Хотите посмотреть сражение на булавах?

Осознавая абсолютный перевес в свою пользу, Артур решил предоставить сопернику своеобразную фору. В мастерстве владения мечом Бэртон был совершенно недостижим, а с булавой – просто выше среднего. И Рыцарь с Серебряным Львом давал Джеку маленький шанс. Во-первых, из благородства, а во-вторых, чтобы самому не слишком скучать в этом поединке. Печальным для Джека являлось то, что булавой он владел не лучше, чем мечом, и все равно не мог составить конкуренции Артуру.

– Да! – закричали люди. – Булавы! Булавы! Бейтесь на булавах!!!

Принесли деревянные палицы. Артур неторопливо взвесил обе в руках и с нарочитой учтивостью передал одну из них Яблочному Джеку.

– Вам отдаю ту, что лучше, – промолвил Бэртон, – а мне и этой хватит, чтобы победить вас...

Сквозь шлем было не видно, но Джек покраснел. Достаточно потешаться над ним! Уже не один раз Артур вернул себе долг за ту неудачную шутку про окрас льва, не один

раз посмеялся в ответ, но по инерции все не мог остановить-ся. У Яблочного рыцаря вскипела кровь. Он вопреки своему легкому характеру ощутил вдруг ярость и, к собственному удивлению, с неожиданной силой напал на противника.

Артур не ожидал такого напора, но мгновенно сориентировался и отразил все летящие на него удары. Бэртон был рад, что вывел соперника из себя – пусть сражается в полную силу. Артур не любил избиений, а так это все же становилось похоже на поединок. Пусть противник старается как может, Бэртона ему все равно не одолеть – Рыцарь с Серебряным Львом находился в своей стихии.

По правилам, выработанным накануне, для победы в поединке требовалось сбить булавой нашлемное украшение соперника. Шлем Артура венчала рычащая голова льва, а шлем Джека – зеленое яблоко. И оба рыцаря метили туда.

– А ну, Яблочный, задай взбучку льву! – закричал, подбадривая Джека, тот самый сердитый крестьянин, который вчера встретился ему и Артуру возле околицы.

– Это опять ты, мужик? – воскликнул Бэртон, узнав его. – Я же пообещал свернуть тебе шею! Смотри, так и случится, если не замолчишь!

Он погрозил крестьянину пальцем. Артур отвлекся от боя лишь на мгновение, однако этого оказалось достаточно, чтобы почти пропустить удар. Джек, размахнувшись, едва не зацепил львиную морду на шлеме противника. Только прекрасная реакция спасла Артура от поражения, в последний

момент он успел заслониться щитом. Тотчас Яблочный рыцарь повторил атаку, однако Бэртон смог увернуться и в этот раз.

Промахнувшись, Джек потерял равновесие. На долю секунды он закачался и опустил руки. Настал идеальный момент для Артура, чтобы закончить бой. Требовался всего один прицельный удар. Бэртон начал замах...

Внезапно что-то произошло. Перед глазами Артура поплыло, его соперник вдруг раздвоился, а звуки эхом стали отдаваться в ушах. Ноги не слушались, его повело назад. Рыцарь с Серебряным Львом не сумел ударить.

«Что за черт?!» – подумал Бэртон. Он попытался собрать из двух Джеков одного, но тот все равно расползлся. «В которого бить?» – растерянно размышлял Артур. Сознание начинало путаться.

С трудом он атаковал. Движение получилось вязким. Вдруг Бэртон ощутил, что проваливается в пустоту. В следующее мгновение удар булавы, пришедшийся в плечо через щит, отбросил его в сторону. Артур врезался в ограждение, и только это помогло ему устоять на ногах. Он чувствовал, что теряет сознание.

– Яблочный Джек! Яблочный Джек! – радостно закричал вредный крестьянин. – Добивай его! Лев сдыхает!..

– погоди у меня, мужик... – еле слышно пробормотал Бэртон. Он все еще намеревался бороться.

Артур собрал волю в кулак и встал прямо, но все равно

его шатало, как в шторм. С Джеком тоже начинало происходить что-то непонятное – ноги заплетались, его водило зигзагами. Только, в отличие от Бэртона, он знал причину происходящего – сонное зелье действовало.

Надо было как можно скорее заканчивать бой. Ни один не хотел сдаваться. На ватных ногах рыцари сблизились, и оба ударили мимо. Медленно и вяло они нанесли повторный удар, и вновь безрезультатно. Зрители, замерев, следили за ними.

Воля Артура оказалась сильнее, и это помогло ему победить. Последними усилиями он сражался уже не столько с противником, сколько с одолевающим сном, а Джек уже не мог сопротивляться и начал медленно оседать на землю. В этот момент Бэртон напрягся, сумел сконцентрироваться и нанести удар. Булава врезалась точно в зеленое яблоко на полированном шлеме. Люди ахнули. Шар сорвался с крепления, со свистом промчался по воздуху и звонко стукнул по лбу зловредного мужика.

– Вот те раз! – от неожиданности выдохнул тот. – Серебряный Лев победил!

Артур этого не расслышал. Он думал сейчас, только о том, чтобы не рухнуть у всех на глазах. С трудом он добрался до трактира и, ввалившись внутрь, упал на ближайшую лавку. Джек следовал за ним, но споткнулся в дверях и остался лежать без движения.

Это странное состояние не могло случиться само собой.

Темное предчувствие всколыхнулось в сердце. Бэртон понял, что они угодили в какую-то западню. Насилу он вытащил из ножен меч и попытался подняться, оперевшись на него, как на трость. Острие глубоко вошло в деревянный пол, клинок изогнулся под тяжестью рыцаря, он почти встал. Но силы оставили Артура, и он провалился в сон...

Прошло некоторое время, прежде чем Рыцарь с Серебряным Львом очнулся от забытья. Открыв глаза, Бэртон обнаружил, что лежит лицом вниз на грязном полу. Пыльные доски вызвали желание чихать. Брезгливо отвернувшись от них, Артур увидел немного поодаль своих приятелей. Джефферсон и Бан тоже медленно приходили в себя. Голова еще слегка кружилась, но бодрость быстро возвращалась к Бэртону. Станный сладковатый привкус во рту подтверждал его подозрения.

– Не раз меня пытались убить в поединке мечом, копьем или палицей, – промолвил Артур друзьям, – но отравить попробовали впервые в жизни...

Кристофер и Бан не успели ответить.

– Да за такое не грех и выпить! – внезапно раздался за спиной чей-то голос, полный холодного сарказма. – Какое значимое событие с вами сегодня случилось, сэръ...

Голос этот очень сильно не понравился Артуру. В нем слышалась враждебность, жестокость и неприязнь. Бэртон резко вскочил. Вернее, попытался вскочить. С изумлением рыцарь обнаружил, что его руки связаны толстой веревкой, и

в следующую секунду понял, что в таком же положении находятся Кристофер и Бан. Рывком он все же сумел развернуться.

В дверях стоял рослый человек в темно-зеленом плаще с капюшоном, скрывающим взгляд. У пояса висели колчан со стрелами и охотничий нож. В руках незнакомец держал тугой лук. Презрительная улыбка играла на его губах. Артур понял, что это враг. И он захватил их врасплох.

– Могли бы и выпить, – осторожно ответил Бэртон, еще не до конца понимая происходящее. – И тебе бы могли налить... Если бы руки были свободны... Поможешь, может быть?

Неизвестный расхохотался.

– Нет! – жестко сказал он. – Когда имеешь дело с рыцарями, гораздо лучше, чтобы руки у них оставались связанными. Один мой друг поступил однажды иначе, и до сих пор не может разыскать свою голову...

– Такое случается, иногда, – согласился Артур.

Он так и не понимал, кто перед ним и какие у них могут быть счеты. Кажется, раньше они не встречались.

– Ребекка! – со смехом крикнул человек в зеленом плаще. – Твои пленники проснулись!

– Мои? – удивленно промолвила женщина, появляясь в зале. – Эдвард, ведь это ты их связал...

– Но усыпила их ты, сестра. И надо признать, сделала это очень ловко...

– Что?! – зло воскликнул Бэртон. – Ты вероломная трактирщица! Ты ответишь за это!

– Придержи язык, рыцарь! – сказал тот, кого Ребекка назвала Эдвардом. – Придержи язык и проживешь на несколько минут дольше!

Он опять рассмеялся.

– Кто ты, черт возьми, такой?! И чего тебе надо? – взорвался Артур.

– Я – Эдвард-Из-Леса, – значительно проговорил стрелок, – а вы мои пленники...

Артур все понял. Перед ними стоял обычный лесной разбойник, бьющий королевских оленей и грабящий путешественников. В другой ситуации он не представлял бы серьезной угрозы, но сейчас рыцари находились полностью в его власти.

– Я – лорд зеленой листвы, – напыщенно продолжал Эдвард, – рыцарь несчастливого случая, чащи и полночи! Я – повелитель страха, крадущегося по оврагам и вдоль обочин глухих дорог! Я – гроза путников, я – лучший стрелок в округе, я – предводитель шайки отчаянных молодцов!

– И плохой поэт, – добавил Кристофер Джефферсон.

Губы разбойника задрожали и сжались, рука потянулась к колчану со стрелами.

– Успокойся, Эдвард, – остановила его Ребекка, – ты ведь не станешь убивать их?

– Почему это? – холодно промолвил разбойник. – Что мо-

жет мне помешать? Еще как стану!

Он ненавидел рыцарей. Все началось давно...

Эдвард и Ребекка были братом и сестрой. Когда-то она вышла замуж за друга Эдварда, которого звали Мартин. Их жизнь складывалась вполне благополучно, но это была крестьянская жизнь. А Мартин грезил стать рыцарем, и вслед за ним этой идеей увлекся Эдвард. Надеясь осуществить мечту, друзья пытались наняться оруженосцами. Но все было безуспешно, их не брали на службу.

В конце концов, устав от бесплодных усилий и от невозможности достичь призрачную цель, Эдвард предложил другу стать «рыцарями несчастливой судьбы», как сам он называл разбойничье ремесло, и хотя бы так избавиться от крестьянской доли. Мартин думал недолго и дал согласие. Так начался путь в зеленых плащах.

Сперва они намеревались грабить лишь рыцарей, гордых и надменных, как представлялось им. Это была в их глазах и месть, и определенная справедливость. Но очень скоро друзья поняли, что рыцарей мало, а есть хочется каждый день. И начали обчищать всех.

На награбленные деньги они открыли трактир «Пьяный дракон», который специально строился в стороне от дороги, чтобы в нем не появлялось лишних людей. Это была цитадель лесных лордов. Там они ели, пили и отсыпались, а потом вновь уходили в чащу.

Постепенно Эдвард и Мартин собрали банду головорезов,

не нашедших в жизни иной дороги, и наводили трепет на всю округу. Казалось, удача была на их стороне. Друзья обходили любые ловушки и брали верх над всеми, кто пытался перейти им путь. Но однажды искателям приключений повстречался одинокий рыцарь с улыбающимся солнцем на черном щите.

«Радость и скорбь», – прочитал Эдвард, немного знакомый с геральдикой. В этом сочетании символов ему почудился рок, но лишь на мгновение, и вот они с Мартином из засады напали на рыцаря. Он не был готов к атаке. Разбойники сбили путника с коня и связали. У него нашелся большой кошель, туго набитый монетами. «Это была радость», – подумал Эдвард.

Плененный рыцарь не выказывал страха, хотя, наверное, и предполагал, что разбойники не пощадят его. Тем не менее, связанный, он спокойно сидел, прислонившись спиной к раскидистому дубу, и улыбался, глядя в глаза врагов. Это смутило их, особенно Мартина.

– Что будем делать с пленным? – негромко спросил он сообщника.

– Убьем! – сурово сказал Эд.

Взгляд несчастного отчего-то лишал уверенности. Он слышал их слова, но не изменился в лице.

– Мы тоже когда-то мечтали стать рыцарями... – зачем-то пояснил пленнику Мартин, с завистью рассматривая его шлем с бурлетом³.

³ Бурлет – набитый шерстью жгут, скрученный из материи. Его надевали на

После этих слов Рыцарь Скорби и Радости впервые заговорил. Его голос оказался вкрадчив и властен одновременно.

– Вы можете стать рыцарями сейчас, – сказал он. – Развяжите мне руки.

– В смысле, отпустить тебя? – рассмеялся Эдвард. – Проявить милосердие? И так сделаться рыцарями? Нет, сэр! Ты предлагаешь вздор!

– Я предлагаю не это... – проговорил Рыцарь Радостного Отчаяния и замолчал.

Помимо воли, Мартин был заинтригован его словами. Он подошел ближе к связанному.

– Что же ты предлагаешь? – спросил Мартин.

– Известно ли вам, что благородный воин может сражаться только против равного себе? – спросил Рыцарь Скорби и Радости.

Разбойник покачал головой.

– Может сражаться с любим, кто на него нападет... – неуверенно вставил Эдвард.

– В битве – да. Но не в поединке. Убейте меня связанного – и останетесь подлыми бродягами. Примите мой вызов – сразимся один на один, и сделаетесь рыцарями...

– Только в собственных глазах! – горько возразил Мартин.

– А разве этого малого? – промолвил пленник. – Сразимся честно, и я признаю вас равными себе, если останусь жив.

рыцарский [шлем](#), чтобы ослабить удары и закрепить [намёт](#) (ткань, защищавшую от солнца). Также бурлет является одним из элементов рыцарского герба.

– Мне это не нравится! – воскликнул Эдвард. – Давай я пушу в него стрелу!

Но Мартин будто не услышал друга.

– Разве этого мало? – задумчиво повторил он, как бы пробуя слова на вкус. – Хотя бы так исполнить свою мечту...

Мартин принял решение.

– У меня есть меч, – коротко сказал он.

– Прекрасно, – улыбнулся Рыцарь Радостного Отчаяния, – развяжите меня, сэр.

«Это будет скорбь», – с ужасом понял Эдвард. Он попытался остановить приятеля, но тот лишь отмахнулся.

– Я хорош с мечом, – отрезал Мартин.

Он освободил рыцаря от веревок и взял свой клинок. Эд смотрел, оцепенев. Начался недолгий поединок, в котором Мартину было суждено погибнуть. Несколько взмахов острых клинков – и все отошло прошлому. Противник оказался сильнее. Вновь зазвучал вкрадчивый и страшный голос.

– Ваш друг сражался честно и храбро, – сказал Эдварду победитель, опуская черный щит. – И я, как обещал, признаю его рыцарем. Теперь, когда он исполнил свою мечту, может быть, вы тоже хотите попробовать?..

В эту секунду произошло то, за что все последующие годы Эдвард-Из-Леса не мог себя простить. Ему надо было попытаться отомстить за друга, вторым вступить в поединок. Но Эдвард не был рыцарем. Он был разбойником.

– Нет! – в панике закричал Эд и опрометью бросился бе-

жать.

Он сломя голову мчался через дикую чащу, спотыкаясь о кочки, продираясь сквозь ветки деревьев и густой подлесок. Сердце выпрыгивало из груди, а перед взором стоял окровавленный меч.

...Все это промелькнуло перед глазами Эдварда. Он вынул стрелу и натянул лук.

– Развяжи мне руки, и сразимся по-настоящему! – потребовал Бэртон.

– Нет. Я не повторю его ошибки... – прошептал разбойник.

– Но Эдвард, не они ведь убили Мартина!.. – воскликнула Ребекка. – Они молоды...

– Все равно... – сказал он. – Марти тоже был молод...

Стрела дрожала на натянутой тетиве. Артур видел острый наконечник. Он вновь попытался освободить руки, но веревка была слишком крепка. Еще секунда, и негодяй выстрелит. «Если бы кто-нибудь пришел на помощь... – с надеждой подумал Бэртон, – какой-нибудь рыцарь забрел бы в трактир с дороги... или хоть кто-нибудь!».

Ребекка закрыла глаза руками.

Внезапно распахнулась дверь, ведущая в подпол...

– Это еще кто?! – воскликнул Эдвард.

– Яблочный Джек, – с горькой усмешкой ответил Артур. – У него яблоки на гербе...

Да, их подвыпивший друг, пошатываясь, выбирался из по-

греба. Это был явно не тот, кто нужен. Но... «хоть кто-нибудь», как и просил у провидения Бэртон. А оно всегда внимательно прислушивается к просьбам.

– Зачем ты выбрался, Джек? – в отчаянии вскричала Ребекка.

Она так надежно спрятала его! Когда рыцари после турнира погрузились в сон, трактирщица отволокла бесчувственного Джека в подвал, чтобы он не попался на глаза Эду. Рыцарь лежал там среди бочек с вином и пивом, пока Ребекка с пришедшим из леса братом связывали крестоносцев. Они заранее условились ограбить их, сонное зелье дал Ребекке Эдвард. Пожитки рыцарей вместе с золотом, серебром, доспехами и лошадьми составляли приличную сумму, отчего разбойник радостно потирал руки.

– Ты отдашь часть денег бедным? – спросила Ребекка. – Марти иногда говорил, что поступает так...

– О, да! – грубо смеясь, отвечал Эдвард. – Я отдам бедным! Никого на свете нет беднее моих ребят! Громила Джон, например... В детстве они с братом довольствовались одной луковицей в неделю! А Беззубый Баррет и вовсе никогда не имел крыши над головой... Так что все пойдет беднякам! – он снова расхохотался.

В это время очнувшийся Яблочный Джек одну за другой откупоривал бочки. Он еще не знал, что вместе с друзьями угодил в западню. Когда остальные рыцари пришли в себя и Эдвард-Из-Леса стал грозиться их убить, Джек с удо-

вольствием пил пшеничное пиво. Поначалу он не придавал значения непонятной возне наверху, но вскоре, осознав, что происходит в трактире, чуть было не подавился и как мог быстро начал выбираться из погреба. Там он находился в безопасности, однако нельзя было оставлять друзей в беде.

– А ну, мерзавец, опусти лук! – воскликнул Джек, появляясь из подвала и ища рукой меч, но клинка на поясе не оказалось. – Опusti лук, или я убью тебя кулаками!

Он бросился на разбойника, однако силы были не равны, кроме того, Джек был пьян, ведь он, как всегда, не знал заранее, что придется драться. Эдвард повалил рыцаря на пол, в руке разбойника блеснул охотничий нож. В следующее мгновение он перерезал бы крестоносцу горло.

Но Ребекка не хотела смерти молодого рыцаря, который ей нравился. И женщина сделала единственно возможное, чтобы спасти его. Стремительно прыгнув, как дикая кошка, она развязала узел на руках Бэртона, и Серебряный Лев вступил в бой.

Мгновенно Эдвард развернулся к новому противнику. Артур ударил его в челюсть. Эд отлетел к стене, однако тут же встал и с ножом напал на Бэртона. Он думал, что крестоносец безоружен. Но Рыцарь с Серебряным Львом никогда не расставался с кинжалом-мизерикордом⁴, которой так ловко прятал, что как ни обыскивай – кинжал не удавалось най-

⁴ Мизерикорд – «кинжал милосердия», использовался для добивания противника.

ти. Небольшой клинок не раз выручал Артура. И в этот раз помог тоже. Артур нанес удар, и вороненая сталь пресекла жизнь лесного разбойника.

Бэртон убрал оружие и спокойно взглянул на Ребекку.

– Ваше счастье, что вы – вдова, и что я – держу слово! – проговорил Артур. – Уезжая в крестовый поход, я дал матери обещание, не обижать вдов. В противном случае, клянусь, я бы вас повесил...

Не добавив более ничего, он освободил от пут Кристофера с Баном и направился к выходу. Друзья последовали за ним. Никто не проронил ни слова, но Джек на мгновение обернулся и украдкой помахал Ребекке рукой...

После гибели Эдварда его головорезы разбежались, и в окрестных лесах стало спокойнее. Ребекка продолжила управлять «Пьяным драконом», но теперь это было обычное придорожное заведение, в котором усталый путник мог не опасаться за свою жизнь. И Джек, и Эд исчезли из ее жизни, и она сама не смогла бы ответить, о ком более грустит...

Вскоре крестоносцы добрались до гавани, откуда войска христиан отправлялись в Палестину. Здесь на перепутье им повстречался рыцарь в бело-синем плаще. В его серебряном щите над синим основанием мчался лазоревый конь. На широкой уздечке был написан, видимо, девиз рыцаря: «Не стой на пути!».

Мгновение они не могли разъехаться. Но ссоры не про-

изошло. Незнакомец не проявлял враждебности, и Бэртон тоже не стал доставать меч.

– Куда вы направляетесь? И как вас зовут? – спросил Артур бело-синего рыцаря.

– В Святую Землю. Мое имя Ричард Корнелий. Не подскажите, по какой дороге ехать к королевскому войску?

– Мы – крестоносцы и направляемся туда же. Присоединяйтесь к нам.

Лошади бежали быстро. Вскоре рыцари увидели корабли, покачивающиеся на бирюзовых волнах. Неподалеку на берегу стояла таверна. «Дом Беовульфа» – прочитали они на щербатой вывеске. Друзья спешили и подошли ко входу.

– Посмотрим, какие приключения ожидают нас в этом трактире! – улыбнулся Бэртон и открыл дверь.

Рыцарь Твердое сердце, или Сарацинская башня страха

– Думаю, мы оторвались от погони! – крикнул Артур Бэртон, резко осаживая коня.

Белоснежный жеребец тяжело дышал после бешеной скачки. Рыцарь оглянулся назад на дымящуюся под солнцем пустыню, высматривая врагов. Но мусульмане, кажется, и вправду отстали от крестоносцев. Лишь четверо друзей с трудом поспевали за его сильным скакуном.

– Я бы не слишком рассчитывал, что мы так легко отделались, – подняв забрало, промолвил Ричард Корнелий, поравнявшись с Бэртоном. – Сарацины, словно свирепые волки, будут мчаться по нашему следу... Нельзя останавливаться!

– Дик прав! – воскликнул Джек. – Мусульмане не оставят погоню...

Бэртон недовольно скривился, однако, поразмыслив, кивнул.

– Хоть я и не люблю бегать от врагов, – сказал Артур, – но их, действительно, еще слишком много осталось... Вперед!

Они вновь дали лошадям шпор.

Этим утром их маленький отряд отправился на разведку. Поначалу казалось, что все складывается благополучно... Но то ли рыцари проявили недостаточную осторожность, то

ли им просто не повезло – противники заметили отряд и напали. После короткой, яростной схватки крестоносцам удалось вырваться из окружения. Несколько сарацин были убиты или сброшены с лошадей, оставшиеся в седлах пустились в погоню. В страшной гонке пока побеждала пятерка рыцарей. Едва не загнав коней, крестоносцы все же смогли оторваться от преследователей. Но расслабляться было нельзя – неприятель, наверняка, следовал по пятам.

– Надо разделиться, чтобы запутать их, сбить со следа! – на скаку прокричал друзьям Бэртон. – Встретимся у разрушенной часовни!.. Кристофер, Джек – за мной! – и трое из рыцарей умчались вдаль.

Предложение Артура выглядело разумным. Ричард Корнелий с Баном круто повернули лошадей и погнали их в противоположную сторону.

До руин часовни было недалеко. Вокруг расстилался опаленный пожарами Третьего крестового похода загадочный и дикий Восток. Копыта звонко били по каменистой почве. За спиной в любой момент могли показаться наступающие враги, и всадники спешили изо всех сил. Неожиданно впереди рыцари увидели вооруженных людей, двигавшихся навстречу.

– Сарацины! – воскликнул Дик, выхватывая клинок.

Крестоносцы приготовились к бою...

Девушка упала. Один из воинов дернул за веревку, кото-

рой были связаны ее тонкие руки, но она не вставала. Сарацин подошел к ней, замахиваясь для удара.

– Только не бей ее по лицу! – напомнил его товарищ. – Девушка должна оставаться красивой!

Он грубо поднял пленницу, пытаясь заставить ее стоять. Но от изнеможения, зноя и страха, она уже не могла держаться на ногах и снова упала. Конвоир пнул ее в бок, отчего из груди девушки вырвался тихий стон.

– Она не может идти. Придется остановиться. Нужно отдохнуть хотя бы немного...

– Нет! – резко сказал второй сарацин, судя по всему, он был главным. – Здесь полно лазутчиков крестоносцев. Ты хочешь попасться им? Они с удовольствием поднимут тебя на копья! А девчонка, видимо, на то и рассчитывает... – он снова пнул ее, но не так сильно – нельзя было портить товар.

– Не похоже, – сказал первый сарацин, – кажется, ей действительно напекло голову. Она не для этих мест...

Светлые волосы пленницы выгорели на солнце, тонкую кожу лица покрывала песчаная пыль. Хрупко сложенная, будто веточка вербы, непонятно как занесенная сюда, она не подходила для сухой и жестокой пустыни.

– Ничего – выживет! – махнул рукой сарацин. – А мы получим за нее хорошее вознаграждение. Иметь в гареме северянку престижно. Тем более такую красивую! Военачальники Саладина еще передерутся за нее...

– Если она выдержит, – с сомнением сказал другой сара-

цин.

Кажется, ему было даже немного жаль пленницу. Голубые глаза девушки смотрели с обреченной печалью, а губы беззвучно шептали молитву Богородице.

– Ставь ее на ноги и продолжим путь! – жестко приказал командир.

Подчиненный начал выполнять приказание. Но в этот момент сарацины увидели столб пыли, поднимаемой во весь опор мчащимися всадниками с обнаженными мечами в руках.

– Да их всего двое! – изумленно воскликнул Ричард Корнелий.

– И с ними девушка! – крикнул другу внимательный Бан. Сарацины выхватили клинки. Один из них поднял с земли камень и запустил его в рыцарей. Булыжник ударил в голову Дика. У Ричарда зазвенело в ушах, но закрытый шлем хорошо защищал от таких мелочей. Подскакав к сарацинам, крестоносцы начали бить мечами. Преимущество рыцарям давало то, что они находились верхом. С лошадей удобно было рубить и колоть вниз. Кони гарцевали по горячему песку вокруг лежащей девушки, которая от волнений лишилась чувств.

Ловким ударом Дик пронзил своего противника, и почти сразу достал врага Бан. Крестоносцы спешили и подбежали к пленнице. Раскинув руки, она лежала неподвижно, однако была жива. Слабое дыхание подтверждало это.

– Она – христианка, – сказал Бан, заметив на груди девушки крест с распятым.

Рыцари попытались привести спасенную в чувство, но в это время ветер донес стук множества копыт. Обернувшись, крестоносцы увидели вдали большой отряд конных воинов. Впереди ехал всадник, держащий знамя Саладина.

– Сарацинская конница! – вскричал Бан.

– Все-таки они еще преследуют нас! – с досадой воскликнул Дик. – Уходим! Клади ее на седло...

Вдвоем рыцари положили бесчувственную незнакомку поперек спины коня Ричарда, вскочили в седла и помчались прочь.

Когда отряд сарацин добрался до места стычки, рыцари со спасенной пленницей были уже далеко. Кони мусульман шли бодрой рысью. Внезапно знаменосец остановился, его лошадь фыркала и заворачивала в сторону. На пути распростерлись два неподвижных тела. Песок вокруг был запятнан кровью и утоптан копытами. Несколько всадников слезли с седел и направились к телам.

– Этот еще жив, – коротко доложил один из сарацин предводителю.

Из отряда на роскошном берберийском коне вперед выехал полководец с клинком в золоченых ножнах у пояса. Он, не торопясь, приблизился к раненому, и, взглянув на него сверху, произнес:

– Ты подвел меня, Мустафа!

Сарацин, лежащий на песке, с трудом приподнял голову.

– Мне уже все равно, Гаданфар, – еле слышно проговорил он. – Теперь это только твои заботы...

– Не дерзи мне! – резко оборвал его предводитель. – Где пленница? Как вы упустили ее?

– Два крестоносца отбили девушку и ускакали с ней... Рыцари появились внезапно и оказались сильнее...

– Куда они направились?

– Туда, – Мустафа указал глазами, потому что махнуть рукой у него уже не хватало сил.

Гаданфар кивнул и утратил интерес к раненому.

– Да поможет тебя Аллах, Мустафа, – сказал он, после чего отвернулся и пустил коня быстрым бегом, скомандовав отряду следовать за собой.

Крестоносцы со спасенной девушкой преодолели уже около десяти верст, когда она, наконец, начала приходить в себя. Рыцари остановились и опустили ее на землю. Медленно открылись большие глаза и тотчас сощурились от слепящего солнца. Девушка испуганно взглянула на своих избавителей, не зная, чего ожидать от них. Она сразу поняла, что это не сарацины, но все равно опасалась двух незнакомцев.

Дик как будто угадал ее мысли и поспешил развеять страх.

– Мы рыцари, – промолвил Ричард Корнелий. – Не бойтесь нас.

– На Востоке следует бояться всех, – ответила девушка, –

но, кажется, вы спасли меня... Благодарю вас.

– Я – Бан, – вставил слово друг Дика, который обычно предпочитал молчать, но не мог не заговорить с прекрасной незнакомкой. – Это – Ричард Корнелий. Мы крестоносцы.

– А как ваше имя? – спросил девушку Дик. – И кто вы?

– Сестра Агнесса, – ответила она, – из ордена цистерцианок. Вы, наверняка, слышали о таком.

– Слыхали. Так вы монахиня? – удивленно воскликнул Бан.

– По правде говоря, еще нет, – скромно ответила Агнесса. – Я – послушница и должна была принять постриг после возвращения в свое аббатство из Святой земли. Но путешествие мое сложилось не так, как предполагали мы с матушкой-настоятельницей...

– Палестина в наше время не подходящее место для девушки, – укоризненно промолвил Дик.

– Господь посылает испытания в вере, – возразила послушница, – но Он же и оберегает идущих на пути к Нему!

В этом она была права. Как иначе, кроме помощи провидения, можно было объяснить их случайную встречу, благодаря которой девушка оказалась спасена? В произнесенных ею словах звучало такое искреннее чувство, что крестоносцы не нашлись, что добавить, и только молча, каждый про себя, согласились с Агнессой.

– А как все-таки вы попали в руки сарацин? – спросил Дик. – И что делаете на Востоке?

– Все началось так... – стала рассказывать Агнесса. – Стены монастыря, где я пребывала послушницей, возвышались на скалистом морском берегу, и сильный прибой, слышимый в кельях, волновал душу не меньше, чем горячая молитва в великие праздники. Больше всего я любила заутреню, когда солнце поднималось над горизонтом и играло с солеными волнами, окрашивая водную гладь в розовый цвет... В такую пору проще всего было молиться, ибо присутствие Божие в мире становилось особенно наглядно в являвшейся гармонии и красоте. В эти мгновения мысли мои предавались мечтам, а душа уносилась через море в дальние страны. Туда, где страдал и воскрес Иисус Христос, даровав спасение человеку.

Наша матушка-настоятельница всегда очень внимательно относилась к сестрам. И подмечала все движения души, пусть даже и невысказанные. Оттого и мои мечты не стали для нее тайной. Она поняла, что меня влечет увидеть края, о которых я читала в Евангелиях. Не буду скрывать, не только в Священном писании было дело. Мне, никогда не отъезжавшей от дома или монастыря более чем на несколько десятков верст, было очень интересно посмотреть, как живут люди в большом мире, узнать, на каких языках они говорят и какого цвета там закатное небо.

Итак, мои мысли не были секретом для матушки-настоятельницы. В один из дней она позвала меня в келью для наставления. Я пошла, еще не зная, о чем предстоит беседа.

Сама я не относилась к своим идеям серьезно, думая, что осуществить их возможности мало, а стало быть, это просто пустые фантазии, как легкие сны, которые забудутся на рассвете. Каково же было мое изумление, когда настоятельница заговорила со мной в тот раз...

– Тебе следовало бы больше думать о постриге, посте и молитве, – ее сухие старческие губы произносили слова, едва двигаясь.

– Все мысли мои об этом, – робко произнесла я, ведь это была почти правда.

– Ты обманываешь меня, – возразила матушка и пристально всмотрелась в мое лицо.

Я растерялась и только хлопала глазами, не зная, что лучше сказать, а старая аббатиса вдруг слегка улыбнулась.

– Ты думаешь о Святой земле, – сказала мать-настоятельница, – и мне это известно...

– Признаюсь, что это так, – промолвила я, еще не понимая, как отнесётся к этому аббатиса.

Я боялась, что, возможно, она поругает меня за бесцельное мечтание, в то время как следовало бы усердней исполнять послушания в монастырском хозяйстве. Однако матушка заговорила со мной мягко и почти ласково.

– В желании путешествовать нет ничего дурного, – сказала она. – Если же помимо любознательности оно способствует благочестию, то это одобряется церковью и называется паломничеством.

– Так значит я смогла бы отправиться на Восток? – не сдержавшись, спросила я, перебив настоятельницу.

– Не вижу к тому препятствий, – промолвила аббатиса, – безгрешное желание лучше один раз удовлетворить, чтобы оно не томило сердце... Я благословляю тебя совершить паломничество в Святую землю, с тем чтобы, возвратившись, ты могла со спокойной душой принять постриг и провести оставшуюся жизнь в стенах нашей обители.

Так было решено, что я отправлюсь в Палестину. По стечению обстоятельств в это же время из мужского монастыря, находящегося неподалеку, несколько братьев и святой отец тоже собирались отплыть на Восток. В предстоящем пути мне требовалась защита, а священнику и монахам – кто-то, кто принял бы на себя обязанности стирать и готовить. Поэтому настоятельница, зная этих людей, как достойных и надежных, попросила их взять меня с собой поклониться Гробу Господню. В их компании и началось мое путешествие.

Большой корабль быстро нес нас через бурное море. Все для меня было неизвестно и незнакомо. Высокие скрипящие мачты, палящее солнце и безбрежный простор соленой воды. Отец Луис и братья относились ко мне по-отечески, стараясь, по возможности, оградить от трудностей пути. Без происшествий мы добрались до Святой земли. Здесь начиналась самая сложная и опасная часть наших странствий.

Отплывая из Европы, мы, обольщенные слухами о якобы

небывалых успехах крестоносцев, были уверены, что к нашему прибытию на Восток, Святой город уже окажется в руках христиан. Со скорбью и удивлением мы обнаружили здесь, что это не так.

Положение армии Ричарда Львиное сердце в действительности было очень тяжелым, и на скорую победу рассчитывать не приходилось. Тем не менее, возвращаться обратно, проделав такой долгий путь и не исполнив цели, ради которой мы отправились в паломничество, нам не хотелось.

Мы не могли открыто попасть в Иерусалим, удерживаемый мусульманами. А чтобы пробраться туда тайно, требовалась невероятная удача и... содействие кого-то из местных. У нас было золото, и мы надеялись, что оно поможет.

Никто, из сопровождавших меня, ранее не путешествовал по Востоку и не знал, как следует, жизни за пределами приходов и монастырских стен. Наверное, в этом и крылась главная причина последующих бед, приключившихся с нами. Мы нуждались в проводнике, и, к несчастью, он вскоре нашелся...

Я так и не поняла, кто это был... Знал он много, говорил хитро. Веры был то ли католической, то ли греческой, то ли магометанской... Он повстречался нам в Яффе, в грязном трактире, в месте, наиболее подходящем, для таких, как он...

В тот день, сильно устав с дороги, мы искали ночлег и были согласны остановиться уже где угодно, в противном слу-

чае, мы никогда бы и близко не подошли к подобному притону. Я еле передвигала ноги, и братья, поддерживая меня под руки, помогали идти. Мы нашли какой-то постоянный двор, внутри посетители пили и заводили общение с падшими красотками, которых там находилось предостаточно...

– Бэртону бы понравилось такое заведение, – не сдержавшись, усмехнулся Ричард.

Но что годилось для странствующего рыцаря, совсем не подходило для юной и чистой девушки. Впрочем, это был обычный трактир в городе, где размещается воюющая армия.

– Я была шокирована тем, что увидела там, – продолжала Агнесса. – Мне, проведшей большую часть жизни в монастыре, было неприятно находиться в подобном месте. Бывшие рядом братья и отец Луис поспешили скорее увести меня в комнаты, которые трактирщик выделил нам. Но когда мы уходили из зала, нас окликнул неприметный человек, сидящий на табурете в затененном углу.

– Верно ли мне показалось, что святым отцам нужно попасть в Иерусалим? – негромко проговорил он.

Не знаю, по каким признакам он понял это, возможно, по обрывкам фраз, которыми обменивались братья и священник. Его ремесло требовало особой наблюдательности, и он, без сомнения, обладал ею.

– Возможно, – ответил отец Луис.

Незнакомец слез со стула и приблизился к нам. Слишком

близко, чтобы это оставалось в рамках приличий. Природа обделила его ростом, он оказался ниже даже меня, а могучим монахам и вовсе еле-еле доставал до груди. Один из них, кажется – брат Роберт, отодвинул коротышку на шаг и строго велел стоять там. Тот послушался и замер, внимательно разглядывая нас. Особенно долго он задержал взгляд на мне, пристально изучив с головы до ног. Я сильно смутилась и покраснела, по-своему истолковав такое внимание. Но, как я понимаю сейчас, в этот момент он просто считал.

– Если святые отцы и их спутница хотят попасть в Святой город и не хотят попасть в руки сарацин, то я могу им в этом помочь за скромное вознаграждение, – наконец сказал незнакомец.

– Кто ты? – спросил священник.

– Зовите меня Искандер, – представился коротышка, сопроводив слова насмешливым и театральным поклоном. – Я менестрель, купец и солдат – всего понемногу, и все в прошлом времени. Мне довелось служить и сарацинам, и христианам. Я родился и вырос в Иерусалиме, и знаю, как можно тайно проникнуть туда, а также знаю, как безопасно добраться до города, не попав между армиями короля Ричарда и Саладина, словно между молотом и наковальней... Словом, я тот, кто вам нужен, если вы, конечно, желаете вернуться из своего путешествия живыми.

Отец Луис и братья призадумались. Мне сразу не понравился Искандер, и еще тогда сама для себя я, по созвучию

первых букв, переделала его имя в Искарриота. Вероятно, это было предчувствие.

Трудно было не разглядеть, что Искандер-Искарриот – лукавый человек. Но почему-то монахи и мудрый священник не увидели этого.

– Сколько ты возьмешь, Искандер? – спросил один из братьев.

– Самую малость, – ответил он, – путевые расходы да десятую часть от них сверх того за мои услуги...

Это было немного. И такая скромность тоже должна было насторожить. Но, как и все актеры (а Искарриот, совершенно точно, принадлежал к их гильдии) он обладал определенным даром внушения. И потому мои опытные и ученые спутники доверились ему. Они ударили по рукам. Искандер попросил небольшой задаток и, получив его, довольно улыбнулся.

– Настоящее золото, – проговорил он, прищуриваясь и внимательно рассматривая монету. – Вы не обманщики, это хорошо. И странно! – добавил он с хохотком.

Святой отец и братья решили, что с коротышкой можно иметь дело. Но меня он в этом так и не убедил. Когда мы шли в свои комнаты, я тайком обернулась и увидела, что Искарриот, подозревая трактирного слугу, о чем-то с ним шепчется. Я снова ощутила нехорошие предчувствия и сообщила о том отцу Луису. Но тот не разделил моих опасений.

– Он просто заказывает себе еще выпивки, – сказал мне священник, махнув рукой.

Так и не успокоенная его словами, я все же выбросила Искандера из головы, легла в постель и крепко уснула. И, хорошо помню, во сне в ту ночь мне привиделся Христос в Гефсиманском саду...

Гаданфар ибн Бурхан любил дорогих коней. Ему нравились также клинки, украшенные золотом, и тяжелые перстни с самоцветами. Он занимал должность одного из младших командиров Саладина. И это положение, конечно, не могло в полной мере удовлетворить ни его тяги к роскоши, ни, тем более, огромных амбиций молодого военачальника. Но какие-то возможности, тем не менее, должность предоставляла. Помимо обычных воинов в его ведении находились шпионы и соглядатаи, благодаря которым Гаданфар получал много интересных сведений. Правильно используя их, он мог способствовать как победе армии Саладина над христианами, так и собственному благополучию. И второе с каждым прожитым годом начинало интересовать его все сильнее.

В тот день Гаданфар ибн Бурхан проснулся рано и еще затемно начал работать. Он разбирал бумаги, изучал карты и читал донесения. Плевать ему на победу и на войну, но для своей карьеры (Гаданфар знал это) надо трудиться много и хорошо. Поэтому, когда солнце только поднялось на небосклон, он уже чувствовал себя усталым. Нужен был отдых. Откинувшись на спинку кресла, он громко крикнул в сторону двери:

– Завтракать!

Слуга – юный турок Исмаил – тотчас же появился на пороге. Он почтительно поклонился, держа в руках поднос с жареной бараниной, свежим хлебом, инжиром и огромными, готовыми лопнуть от сока, гранатами.

Мельком взглянув на яства, Гаданфар ибн Бурхан вновь вернулся к делам.

– Ты уже послал гонца в Яффу? – строго спросил он у юноши.

– Нет, господин, – робко ответил тот, – еще не успел... Я отвлекся, чтобы собрать вам завтрак...

– Ты не умеешь правильно использовать время! – оборвал его объяснения командир. – Это плохо! Запомни: если ты не используешь времени – время использует тебя! – ему нравилось поучать.

– Как это понять? – растерявшись, испуганно спросил Исмаил.

Смысл сказанного казался ему слишком сложным.

– Не знаю! – вдруг рассмеялся Гаданфар – Просто запомни мои слова и все! А жизнь сама подскажет тебе, что они значат.

Он любил покровительствовать. В особенности, тем, кто моложе по возрасту. Наверное, потому что сам стал командовать довольно рано. Разломив гранат и взяв в руки мясо, молодой полководец продолжил урок для слуги.

– Как ты думаешь, Исмаил, что нужно для того, чтобы че-

ловеку возвыситься? – прожевав спросил он.

– Наверное, – предположил юноша, стараясь угадать фразы, которых от него ждут, – надо старательно исполнять свою работу...

Гаданфар усмехнулся и утер стекающий по бороде сок. Он всегда исправлял его ошибки.

– Нет! Многие годами старательно делают свое дело, но поднимаются, тем не менее, лишь единицы. Так в чем же секрет?

Турок пожал плечами.

– Секрет лишь один! – веско сказал Гаданфар – И он в том, чтобы угодить тому, *кто принимает решения!* Больше ни в чем!

«Хотя как я сам ненавижу угождать!» – быстро промелькнула в его сознании мысль. И Гаданфар чуть было не произнес ее вслух, но слуге не следовало знать лишнего. Он сумел сдержать почти сорвавшиеся с уст слова.

– Понимаешь теперь, почему вести из Яффы так важны? – помолчав мгновение, снисходительно продолжил Гаданфар.

– Потому, что вы принимаете какие-то решения? – неуверенно предположил Исмаил.

– Потому, что их принимает Саладин!

Имя прозвучало грозно. На минуту в комнате повисла звенящая тишина.

– Вам от него что-то нужно? – догадался слуга.

Гаданфар не ответил. Он и так сказал чересчур много.

– Об остальном додумывайся сам, – улыбнулся командир и отослал Исмаила. – И направо! Направо, наконец, гонца в Яффу! – крикнул он вдогонку мальчишке.

Оставшись один, Гаданфар ибн Бурхан погрузился в размышления. В отличие от своего слуги, он прекрасно понимал важность ожидаемых вестей. Но интересовало его во все не количество войск английского короля, находившихся в Яффе. Его лучший агент – Искандер – несколько дней назад прислал сообщение о прекрасной паломнице, прибывшей в город. Гаданфар давно искал возможности угодить Саладину, и, кажется, теперь такой случай настал. Красавица из далеких земель могла послужить прекрасным подарком султану, в благодарность за который честолюбивый полководец рассчитывал заслужить благосклонность повелителя. Нужно было аккуратно захватить девушку и доставить к нему. Но это только звучало просто, а в действительности справиться с таким ответственным и деликатным делом мог, пожалуй, только Искандер. Поэтому Гаданфар немедленно отослал ему внушительное количество золота и с нетерпением ждал доклада об исполненном поручении.

Гаданфар ибн Бурхан тревожился, почему до сих пор нет вестей. Уж не провалили ли его разведчики дело? Но тут же отметал такую возможность. Нет-нет, только не Искандер – такого ловкого пройдоху в мире больше не отыскать. А значит, он справится, нужно лишь дать ему время...

Тут мысли молодого полководца превратились в мечты.

Он стал представлять, как понравится Саладину подарок, и как он назначит его – Гаданфара – своим великим визирем...

– На следующее утро мы вновь отправились в путь, – продолжала рассказ Агнесса. – Только теперь в компании нас считывалось на одного человека больше – нас сопровождал Искандер. Он держался нарочито уверенно. Привесив к поясу меч, коротышка всегда ехал впереди, грозно поглядывая по сторонам. Выглядело это забавно. Но по тому, как ладонь Искарюта ложилась на точеную рукоять клинка, я понимала, что обращаться с оружием он умеет.

Шумная прибрежная Яффа осталась позади, о чем я совсем не жалела. Искандер сказал нам, что название города переводится с сарацинского языка как «красивая», но мне Яффа не показалась такой. Разве что, только гавань могла задержать на себе внимание... Но на море я уже насмотрелась за время плавания, а потому с радостью восприняла оставление душной и грязной крепости, не зная еще, как плачевно закончатся наши странствия.

До Иерусалима путь получался не очень долгий. В мирное время путешественники неспешно одолевали его за пару дней. Но война удлиняла дороги. Искарют плутал и все время уводил то в одну, то в другую сторону. Он просил не спорить с ним и ни о чем не спрашивать, говоря, что отвечает за безопасность и знает, как лучше провести нас к цели. Увы, по наивности, мы не подозревали, что цель его отлича-

лась от нашей.

Отряд пробирался в основном ночами, а отдыхал днем. Коротышка становился все напряженнее. Отец Луис сказал ему, что мы слишком долго уже в пути и отклонились чересчур к югу, но Искандер возразил, что направление верное и вновь повторил, что цель близко. К сожалению, никто не заподозрил неладного в его словах.

На другой день, продолжив путь против обыкновения при свете солнца, мы выехали на узкий проселок, давно заброшенный. Искандер, всегда находившийся впереди, вдруг стал держаться рядом со мной. И еще, мне показалось, что он сделался беспокойным. Я обратила на это внимание, но не придавала значения. Я ведь и так никогда не доверяла ему.

Дорога петляла хитрой змеей. Солнце медленно начинало спускаться за горизонт. Мы преодолели еще несколько верст. И вдруг попали в засаду. Внезапно вечеревший воздух пронзил резкий свист, и пущенная жестокой рукой стрела ударила в плечо одного из монахов. На коричневой рясе проступила алая кровь. За первой стрелой полетели другие. Лошади испуганно заржали, мы кинулись врассыпную. В тот момент нам так нужны были рыцари, но с нами был только Искарriot. И был прямо возле меня.

– Я спасу девушку! – крикнул он священнику, прежде чем того поразил сарацинский лучник.

С этими словами коротышка схватил меня за руку и потащил прочь от места, где погибали мои бедные спутники. Мо-

нахи вступили в неравный бой. Я отчаянно упиралась и пыталась вырваться, не желая бросать их одних. Но Искандер не обращал внимания на мои попытки освободиться. Железными пальцами он сжимал мое запястье с силой, которой я ранее никогда бы не предположила в нем. Поблизости от дороги смутно белели руины стоявшего там ранее небольшого села. От него мало что осталось, но остовы стен еще торчали кое-где из земли.

– Там! Там! – бормотал Искандер, указывая на них и волоча меня за собой. – Там укроемся и спасемся...

– Что же случилось с вашими спутниками? – Дик, не сдержавшись, взволновано перебил рассказ.

Агнесса с минуту молчала, будто не решаясь вымолвить. И вдруг слезы брызнули из ее глаз.

– Сарацины убили всех! – выкрикнула она, судорога боли пробежала по красивому лицу девушки. – И отца Луиса, и брата Роберта, и остальных...

Какое-то время она не могла говорить, но, совладав с рыданиями, продолжила печальную повесть.

– Увлекаемая Искарриотом, я краем глаза видела, как сражаются монахи. Они дрались изо всех сил, но их было слишком мало. Тем временем Искандер подтащил меня к разваленному сараю. От горя и страха я уже мало что понимала и шла за ним, как на поводке. В стене, словно пасть хищника, зияла большая дыра.

– Туда! – буркнул коротышка. – Там безопасно, прячься

там...

Послушно я шагнула в проем. После дневного света полумрак, царивший внутри, показался полной темнотой. Глаза ничего не различали. Неожиданно откуда-то сверху из черноты на меня упала тяжелая сеть. Поняв, что угодила в ловушку, я закричала и забилась, отчаянно пытаюсь вырваться, но лишь больше запутывалась. Чьи-то руки свалили меня и связали. Душа моя сжалась от страха, не зная, что будет дальше. Но ничего не происходило. Зрение постепенно привыкало к сумраку. Я разглядела двух сарацин с оружием и в шлемах – воинов Саладина. А через минуту в проломе показался Искарриот.

– Ну что, рыбка, попалась в сеть? – довольно ухмыляясь, проговорил он. – Не зря ты не доверяла мне! Думаешь, я не замечал? Умна ты, девушка, ох умна! Только ум твой тебе не слишком помог!

– Предатель! Негодяй! – закричала я. – Обещал безопасную дорогу и вот куда привел! Лжец!

Искандер выслушал мои обвинения совершенно бесстрастно.

– Изменник – да, но не лжец, – смотря мне в глаза, холодно возразил он. – В Святой город ты попадешь в целостности и сохранности, как я и обещал. В этом не сомневайся. Правда, немножко в ином статусе, чем ты рассчитывала...

Мороз пробежал по коже от его загадочных слов, которые могли означать что угодно. Я попыталась плюнуть ему в ли-

цо, но коротышка легко увернулся и, мерзко хохоча, ушел. Один из сарацин последовал за ним. Из-за стены до меня до-
неслись обрывки их разговора.

– Запомни, Мустафа! Ты отвечаешь за пленницу жизнью! Если хоть один волос упадет с ее головы, я лично перережу тебе глотку! В Иерусалиме девушка должна быть не позднее, чем через неделю... Гаданфар не поскупится, заплатит щедро...

Сарацин что-то проговорил в ответ. Затем я услышала стук копыт, и поняла, что Искандер уехал.

Вскоре Мустафа возвратился в сарай. Вместе со своим сообщником они подняли меня с пола. Я сильно боялась их, но они ничего плохого со мной не сделали. Напротив, дали напиться чистой воды и развязали все веревки, кроме тех, что туго стягивали мне руки.

– Пойдем в Иерусалим! – отрывисто бросил мне Мустафа.

Ни говоря более ни слова, два сарацина вывели меня из полуразрушенного сарая и под конвоем повели в Святой город. За все время пути они переговаривались только между собой и ни разу ничего не сказали мне. Да, это, наверное, было и к лучшему. О чем говорить с теми, кто похитил тебя и ведет против твоей воли?

Мои конвоиры опасались наткнуться на передовые отряды короля Ричарда. Мы вновь петляли в стороне от больших дорог. Палящее солнце, ночные переходы и все выпавшие мне волнения делали свое дело. Силы мои таяли с каждой

минутой. Настал момент, когда я упала и не могла больше идти. Я потеряла сознание и последнее, что помню, это столб пыли, копыта коней и ваш бело-синий щит...

– А мой щит?! – с искренней обидой воскликнул Бан. – Серебряный с черным *камнем!* Это я вас первый заметил и сказал Ричарду...

– Да-да – поспешно солгала девушка, не желая расстраивать второго рыцаря, – и ваш тоже... Серебряный с черной *камбалой!*... Вот так грустно и завершилось мое паломничество. Еще раз спасибо, что спасли меня!

– Слова ваши преждевременны! – возразил Дик. – Паломничество ваше не закончилось, и мы вас еще не спасли. Вдохнете спокойно, только когда сядете на корабль и отплывете в Европу. Пока же нас преследуют. Как я понял, сарацины хотели дорого продать вас в качестве невольницы. И от своей выгоды они не отступят!

– Боюсь, что мой друг прав, – подтвердил Бан. – Уже скоро враги будут здесь...

– Что же делать? – воскликнула девушка. – Ведь вас всего двое!

– Бежать! – промолвил Ричард Корнелий. – Нужно быстрее добраться до наших друзей! Вместе мы сумеем пробиться к армии крестоносцев.

– Артур ждет нас у разрушенной часовни, – напомнил Бан.

– Скорее!

Они снова взобрались на лошадей. Послушница села позади Ричарда.

Тем временем Гаданфар ибн Бурхан не медлил. Зачем, ах, зачем друзья так долго слушали обстоятельный рассказ Агнессы?! Даже эта небольшая задержка сыграла на руку их жестоким преследователям. Сарацины с каждой минутой настигали сбежавшую пленницу и ее отважных спасителей. Шансов в бою с превосходящими силами у двух крестоносцев не было. Оставалось лишь отступать. И кони рыцарей мчались изо всех сил.

Однако арабские скакуны в этот раз оказались быстрее. Вскоре из-за холма показались враги. Увидев их, Агнесса вскрикнула. Впереди на крепкой пегой лошади, пригибаясь к ее спутанной гриве, неся низкорослый всадник с искривленным от ярости лицом. В руке коротышка сжимал меч и воинственно рассекал острой сталью горячий воздух.

– Прошу вас, быстрее! – прошептала Агнесса Ричарду, узнав преследователя. Искандер вселял в ее душу панический ужас.

Дик сильнее ударил лошадь шпорами, однако оторваться от сарацин уже не было никаких шансов. Неожиданно Бан придержал своего коня. Он поймал недоуменный взгляд друга.

– Что ты делаешь, Бан?!

Но рыцарь знал, что делал. Он хотел, чтобы очаровательная паломница запомнила и его герб.

– Я их задержу! – крикнул Бан. – Спасайтесь! И не путайте, – добавил он уже только ей, – *черный камень*, а не *камбала*!

Это было безрассудство – один крестоносец против множества воинов, готовых безжалостно убивать. Но Бан был тверд. Как камень, нарисованный на его щите. Рыцарь убрал меч в ножны и вытащил «утреннюю звезду»⁵. Медленным шагом он поехал навстречу сарацинскому отряду.

Враги приближались. Бан размахнулся и первым же ударом сразил одного из них. Сарацин повалился на землю, увлекая за собой лошадь. Поверженное животное через мгновение вскочило, но всадник остался лежать неподвижно.

На крестоносца напали с разных сторон. Он бил и защищался щитом, однако все же скоро пропустил удар и сам упал из седла. Доспехи спасли, клинок не достал до тела. Бан откатился в сторону, чтобы его не затоптал собственный конь. Он попытался быстро подняться, но сарацины схватили его, выкрутив руки, и отняли оружие.

Тем временем Ричард Корнелий с девушкой успели скрыться из виду. Бан сражался не зря. Он сумел задержать врагов.

К плененному рыцарю подскакал всадник на пегой лошади. Его туловище защищала порванная в нескольких местах

⁵ Утренняя звезда – булава с шипастым металлическим шаром на конце рукояти.

кольчуга, шлема он не носил. Наездник спешился и оказалось, что своей кобыле он едва доставал макушкой до холки. Коротышка вразвалочку направился к крестоносцу.

– Искарriot! – Бан сразу понял, кто перед ним.

– Вообще-то, – с важным видом начал коротышка, – не Искарriot, а...

Он не договорил. Вырвавшийся рыцарь подскочил к нему и резким ударом в лицо сбил Искандера с ног. Навалившись на крестоносца, три сарацина оттащили его в сторону.

– Убить его! Задушить его! Замучить его! – в бешенстве хрипло закричал коротышка, поднимаясь с земли и вытирая с лица проступившую кровь. Голос его срывался на визг.

– Угомонись, Искандер! – Гаданфар звонко отвесил ему затрещину.

Внезапно вышедший из расступившихся рядов, полководец надменно посмотрел на схваченного крестоносца.

– Вы рыцарь? – спросил он с холодной усмешкой, быстро оценив геральдически раскрашенный щит пленника. – Вижу, что да. Раз так, приглашаю вас посетить мой замок. Двум благородным господам не пристало разговаривать посреди дороги. Там и побеседуем.

Слова не предвещали ничего хорошего. Бана поставили на ноги и заставили идти.

Крепость Гаданфара-ибн-Бурхана находилась в десятке верст от того места, где сарацины схватили рыцаря. Путь ту-

да не отнял много времени. Вскоре над каменистой равниной показались зубцы стен и одинокая башня, вонзающаяся в небеса. Кони въехали в узкие ворота цитадели. Стук запирающихся засовов заставил Бана обреченно поежиться.

Широкими шагами Гаданфар прошествовал в двухэтажное здание. Рыцаря ввели следом. Внутри оказалось прохладно. Убранство помещения резко контрастировало с внешним аскетизмом замка. Сарацинский полководец отличался вкусом и любовью к комфорту. Пол устлали мягкие персидские ковры, на небольших столиках лежали фрукты. В серебряных кувшинах, как показалось крестоносцу, находилось запрещенное в исламе вино.

Гаданфар ибн Бурхан неторопливо наполнил украшенный яшмой кубок.

– Итак, вы у меня в гостях, – начал он, отпивая глоток, – и только от вас зависит – будет ли наше общение дружеским.

Он налил из кувшина еще одну чашу, но не предложил ее крестоносцу.

– Моя жизнь у вас в руках, – сказал Бан. – Чего вы хотите?

– Мне бесполезна ваша жизнь, – жестко ответил Гаданфар, с громким стуком поставив кубок. – Мне нужна девушка! Вы, думаю, желаете невредимым покинуть мой дом. Скажите, куда ваш друг повез ее?

Бан молчал.

Сарацинский полководец на секунду задумался. Он давно воевал с крестоносцами. И прекрасно знал их слабые и

сильные стороны. Хорошо знал он и то, что рыцарь никогда не продаст честь и безопасность дамы. А потому говорить о золоте, пытаясь подкупить Бана, было бессмысленно. Остался лишь страх...

– Куда они отправились? В Тир? В Яффу? Отвечай!

Видя, что пленник ничего не скажет, Гаданфар помрачнел.

– Молчишь?! Тем хуже для тебя! – сказал он. – Ты храбрый человек, рыцарь! Но любой храбрости есть предел. Посмотрим, насколько твердое у тебя сердце.

Бан понял, что дело плохо.

– Заприте крестоносца в темницу, – распорядился Гаданфар, – пусть подумает до утра. А на рассвете, если не захочет говорить, отведите нашего гостя в башню страха... Там все начинают отвечать на вопросы.

Название звучало зловеще. Бан почувствовал, как мурашки пробежали по шее, но сумел сдержать проявления ужаса на лице. Сарацины затолкали его в маленький каземат и закрыли дверь.

Где-то капала вода. Одна капля – одна секунда. Бан сидел и слушал, как течет отпущенное ему время... Рыцарь мог сказать всего несколько слов и получить свободу. Но тогда перестал бы быть рыцарем... На его взгляд, это было слишком дорогой платой.

Ранним утром отворилась дверь. На пороге стоял Искарот и с ним еще один человек, лицо которого скрывала маска.

«Палач!» – с содроганием понял Бан.

– Не решился рассказывать? – без предисловий спросил пленника Искандер.

Бан отрицательно помотал головой.

– Тогда пойдем в башню, – с довольной ухмылкой проговорил коротышка. – Ты, верно, думаешь, что там камера пыток? Нет, Гаданфар ибн Бурхан человек изящного вкуса и не приемлет грубые способы.

Они вышли из подземелья. Солнце взбиралось на небосклон, освещая окрестности. Крестonosец снова увидел одинокое строение, возвышающееся над замком. Сколько же в нем этажей? Десять? Пятнадцать? Двадцать? Рыцарь не сумел сосчитать. Его подвели ко входу.

– Башня очень высокая, – с гордостью сказал Искандер. – Лететь с нее долго и неприятно, а ударяться о землю – больно. Внутри винтовая лестница. Мы будем подниматься по ней, и каждые пятьдесят ступеней я стану спрашивать, не решился ли ты все рассказать. Если к окончанию лестницы ты не согласишься говорить, палач толкнет тебя вниз. Уразумел? Пошли...

Они начали подъем. Первые пятьдесят ступеней одолели быстро.

– Ну что, будешь говорить?

– Нет, – твердо отвечал рыцарь, которому еще удавалось сохранять присутствие духа.

Его повели дальше. Так повторялось с десятков раз.

Узкая лестничная шахта тем временем подходила к концу. На последних ступенях Бан ощутил прилив леденящего ужаса. Кожей лица он чувствовал ветерок из открытой двери и понимал, что впереди пустота.

«Что-то ангелы-хранители меня оставили», – с отчаянием подумал рыцарь.

В этот момент палач в закрытом капюшоне легонько подтолкнул его в спину.

– *Не стой на пути!* – услышал Бан.

Ему почудилось, что палач подмигнул. Видимо, от волнения воображение стало играть с крестоносцем...

Ступени завершали свой бег наверх. Там находилась небольшая площадка с распахнутой настежь дверью. Из нее открывался прекрасный вид на окружавшую крепость пустыню. Бан замер над отверзшейся перед ним пропастью.

– Последний раз спрашиваю: будешь отвечать? – донесся до него голос Искарриота.

– Нет, – собственные слова Бан тоже слышал будто со стороны.

– Тогда шагай вперед, рыцарь! Или, может, тебе помочь? Палач, подтолкни его!

Сарацин в маске вытащил меч. У Бана внутри все оборвалось. По всей видимости, предстояло прощаться с жизнью. Искандер радостно усмехался. Палач сделал шаг в сторону крестоносца и... вдруг сорвав маску со своего лица, кинул меч в руки пленника.

– Дик! – воскликнул Бан.

Да, это был Ричард Корнелий.

Коротышка обомлел. Выражение торжества в его глазах сменилось смятением. Затем в них отразилась паника. Он попытался бежать. Без замаха, Бан со всей силы ударил мечом. Искарriot увернулся, нырнув под клинком. Чиркнув по каменной стене, лезвие высекло сноп оранжевых искр. Из-за пазухи Искандер вытащил метательный нож и швырнул его в крестonosца. Однако бросок не достиг цели. Бан вновь замахнулся мечом. Коротышка кинулся в сторону, но там зияла открытая дверь. В страхе уклоняясь от клинка, Искарriot прыгнул с башни. Падая, он закричал и отчаянно замахал руками, мечтая сделаться птицей, но Господь не дал ему крыльев. Искандер хотел полететь, но тяжкие грехи потащили его вниз к злосчастной земле, о твердь которой подлец разбился.

Его вопль разбудил всех в крепости. Гаданфар выбежал на балкон. Увидев своего лучшего лазутчика неподвижно лежащим у подножия страшной башни, он мгновенно понял, что произошло. Громко, но сбивчиво полководец начал выкрикивать приказания. Сарацины засуетились.

Тем временем, Бан все смотрел сверху на разбившегося предателя. Лишь чудом он не оказался на его месте... Из оцепенения друга вывел Ричард Корнелий.

– Надо спускаться! Может, мы еще сможем отсюда выбраться!

Слова подействовали отрезвляюще. Бан мгновенно пришел в себя. Отвернувшись от тела, он устремился за Диком, чьи сапоги уже гремели по лихо закрученной лестнице.

Сарацины спешили к башне. Хватая оружие, они собирались покончить с рыцарями, которых та не смогла погубить.

Миновав ступени, бежать вниз по которым получилось гораздо быстрее, чем подниматься, крестоносцы выскочили на залитый утренним солнцем песок. Их окружили враги. Гарнизона в крепости находилось не очень много, но против двоих – более чем достаточно. Избавившись от одной беды, Бан с Диком угодили в другую, от которой, похоже, им было уже не спастись.

Начался бой. Бан одолел одного из нападавших, и саблю убитого подхватил Ричард. Новым оружием он тут же отсек острие копья, которым другой сарацин хотел проткнуть рыцаря. Друзья пытались пробиться сквозь окружавших их врагов, но тщетно. Воины Гаданфара теснили крестоносцев и в итоге загнали в угол. Приближался конец...

Неожиданно звон ударяющихся мечей перекрыл оглушительный грохот. Каменная крошка взмыла фонтаном над треснувшей стеной. По крепости начал бить требушет⁶ – тяжелые ядра разносили замок. Артур Бэртон привел подмогу.

Вскоре и сам он показался в проломе стены, как всегда, с белым львом на красном щите и в помятом топхельме. На него бросился вооруженный до зубов сарацин, но Артур

⁶ Требушет – метательная машина для осады крепостей.

только небрежно отмахнулся мечом, и противник упал.

Сарацины растерялись. Испугался и Гаданфар, решив, что его маленький замок штурмует целое войско. Замешательство врагов давало крестоносцам шанс.

– Что стоите?! – глухо сквозь шлем прокричал друзьям Бэртон. – Думаете, со мной армия? У меня только один трушета! Надо бежать отсюда!

Ему не пришлось повторять дважды. Воспользовавшись образовавшейся сумятицей, Ричард и Бан сумели прорваться к бреши, пробитой в стене.

– Отступаем! – скомандовал Артур. – Джек! Кристофер! Бросайте оружие!

Яблочный Джек и Горностаевый рыцарь стреляли из трушета. С сожалением крестоносцы прекратили это занятие. Их удачные попадания немало потрепали сарацинскую цитадель. Камнемет, увы, пришлось оставить врагу. Но это ничего не значило по сравнению с тем, что они смогли выручить друзей.

– Где девушка? – спросил Бан.

– С ней все в порядке, – успокоил его Ричард, – к ней и направимся. Только бы отсюда удрать! – добавил он.

Кони быстро понесли рыцарей прочь. Однако, оглядываясь, крестоносцы еще долго видели на горизонте мрачно возвышавшуюся башню.

С балкона Гаданфар ибн Бурхан злобно смотрел вслед удаляющейся пятерке. «Испортили такой план! – с раздра-

жением думал он. – Теперь придется начинать заново! Все было просчитано до мелочей. Но кто мог предположить, что вмешаются рыцари?! Откуда они взялись? Кто их послал? Поневоле уверуешь в промысел высших сил...».

Гаданфар тяжелым взглядом оглядел разрушения. Крепость была сильно повреждена. Его взор на секунду остановился на теле Искарриота. «А Искандер, надо признать, получил по заслугам!..» – внезапно решил полководец и брезгливо выкинул бывшего шпиона из головы.

– Исмаил! Завтракать! – крикнул он.

Рыцари, тем временем, добрались до лагеря христианского войска. Агнесса находилась там. Ранее встретившись в условленном месте с Бэртоном, Ричард Корнелий передал девушку под его защиту, а сам отправился выручать Бана. Но стоять в стороне от опасностей было не в характере Артура. Поэтому, сопроводив паломницу к армии крестоносцев, он вместе с Джеком и Кристофером пустился вслед за Диком.

Агнесса обрадовалась, увидев, что ее спасители живы. Взволнованно она выслушала рассказ об отчаянном штурме замка Гаданфара, и с еще большим трепетом – слова Ричарда Корнелия о беспримерном мужестве Бана.

Послушнице предстояло возвращение в Европу. Вскоре из Яффы отправлялся корабль к родным для нее берегам. Прощаясь с друзьями, девушка не могла сдержать слез. Она поблагодарила каждого, но одного из них выделила особо.

– Сэр Бан! – с горячим чувством сказала паломница. – Вы оказали мне большую честь. Вы спасли меня дважды. Первый раз – отбив у сарацин, а второй – под угрозой страшной участи, не выдав моего местонахождения врагам. Я хочу признаться вам, что, к своему стыду, вновь забыла содержание вашего герба. Но я навсегда запомню ваше твердое сердце!

Подняв белые паруса, корабль отчалил. Армия крестоносцев двигалась на Иерусалим...

Тень храма Соломона, или Загадка Горностаевого рыцаря

В тени огромного готического собора, возвышавшегося молчаливой громадиной над маленькими людьми, утром в среду, двадцать первого мая, под недавно зацветшими липами два человека вели беседу. Они разговаривали негромко и обстоятельно, не желая привлекать внимания окружающих, и, по всей видимости, обсуждали какой-то секрет. Один из них был монахом, с выбритой тонзурой на голове, одетый в коричневую рясу, подпоясанную толстой веревкой. А его собеседник, являвшийся, судя по всему, светским лицом, был закутан в простой серый плащ, глухой капюшон которого полностью скрывал лицо от случайных взоров.

В зеленых кронах лип, благоухающих нежными цветами, птицы радовались новому дню. Как будто заинтересовавшись тихим разговором монаха и рыцаря, одна синица, вспорхнув с вершины дерева, плавно опустилась на нижнюю ветку, поближе к ним, и словно прислушалась к их беседе.

– Фью-ти фью, – будто проговорила она, склоняя голову, – о чем это там шепчутся аббат Бруно с неизвестным рыцарем в сером? Совсем не понятно. И не может быть, чтобы это не имело последствий...

Очевидно, синица была права. Отец Бруно был пожилым

и очень усталым человеком, а потому вряд ли стал бы тратить силы на бессмысленный разговор, его же собеседник, напротив, судя по осанке, был энергичен и молод, и в его жизни наверняка имелось множество более важных дел, чем пустая болтовня со старым священником. Значит, разговор был, без сомнения, важен.

Синица внимательно вслушалась в их слова, и до нее уже стал понемногу доходить смысл. Но вдруг рыжий кот, с громким мяуканьем неожиданно прыгнувший на дерево, спугнул ее, и она улетела, так и не узнав, в чем состоял секрет. До ее слуха донеслось лишь несколько странных слов, понять значение которых было совершенно невозможно: «...Иерусалим...», «...Храм...», и, наконец, «...Тайна...».

Дальше слушать стал кот. Разговор и вправду выходил занимательный, более того – преинтересный. Монах Бруно слыл примечательной личностью, в молодости он увлекался алхимией, и, говорили, будто он продал дьяволу душу за секрет изготовления философского камня. Неизвестно, так ли это было на самом деле, но с возрастом он абсолютно точно отошел от алхимических экспериментов, полностью посвятив себя служению Богу.

Став монахом, Бруно отличался искренним благочестием. Кроме того, он славился невероятной образованностью и, несмотря на то, что занимал в официальной иерархии не слишком значительное место, был чрезвычайно влиятелен, хотя и не явно. Немногие знали, что скромный монах Бруно

имеет обширные связи в высших кругах католической церкви и, по слухам, пользуется доверием самого Римского Папы. Невозможно было понять, кто он на самом деле и откуда взялся, о его жизни до принятия монашеского пострига почти ничего не было известно. А те скудные сведения, что имелись, были так ловко запутаны им самим, что никто бы во век не смог разобраться, что из них правда. И непонятно было, для чего ему это нужно. Неясны оставались и цели, которые он преследовал. Живя в нищете, он иной раз неожиданно одалживал огромные суммы разорившимся аристократам, буквально отлавливая их возле дверей ростовщиков, и никогда не требовал возврата занятых средств.

Его настоящая жизнь проходила в тени церкви. Для простых людей он был только добрым пастырем, к которому можно прийти за советом и в духовной нужде, но совсем небольшое количество людей предполагали, что монах Бруно стоял за очень многими событиями, происходящими в мире, и что римский понтифик ни одно значимое решение не принимал без его совета. Трудно сказать, что из этого являлось правдой, одно лишь можно было утверждать с полной уверенностью – монах Бруно был очень умен и невероятно проницателен.

– Вскоре после освобождения Гроба Господня, – неспешно говорил в то утро Бруно своему собеседнику, – для предотвращения угрозы нападений мусульман на паломников, направляющихся в Иерусалим, было создано особое

общество. Девять рыцарей занялись охраной пилигримов и, кроме того, расчисткой обширного помещения под Храмовой горой. Себя эти крестоносцы стали называть «Братство бедных рыцарей Христа и Храма Соломона». И сейчас мы знаем их под именем тамплиеров. Вас, вероятно, интересует, что они расчищали? С их слов, это были старинные заброшенные конюшни. Новообразованному ордену королем крестоносцев Балдуином II было предоставлено помещение в Иерусалиме в мечети Аль-Акса, стоящей на месте древнего храма. Еще задолго до взятия города христианами, древние инженеры соорудили там систему арочных перекрытий, укреплявших храмовую площадь. Именно на этих старых перекрытиях и была впоследствии мусульманами возведена мечеть. Под гулкими сводами образовалось широкое и длинное помещение в виде коридора-галереи. Наряду с этим коридором, был еще один – названный крестоносцами «Конюшнями Соломона». Он проходил практически под всем зданием мечети и представлял какой-то интерес для девяти рыцарей. Очевидно, в нем крылась некая загадка, возможно, имеющая огромное значение...

Он многозначительно замолчал, но его слова не произвели особого впечатления на собеседника.

– Вы преувеличиваете, отец Бруно, – скептически произнес человек в сером, – ну какая великая тайна может находиться в заброшенных старых конюшнях? Просто рыцарям, по мере того как численность их ордена возрастала, стало не

хватать помещений в мечети, и они решили таким образом расширить их. Вот и все.

– Логичное объяснение, – согласился монах Бруно, – но, видите ли, в чем дело, за первые десять лет существования их общества они приняли в свои ряды лишь одного человека, и более никого. Следовательно, расширяться нужды у них не было. И эта закрытость их ордена вызывает еще большее недоумение. Возникает вопрос: почему всего девяти рыцарям не нужны были люди для помощи в охране паломников? Ведь девять человек – это крайне мало для того, чтобы самостоятельно охранять даже такой короткий путь как из Яффы в Иерусалим.

– Вот это, действительно, странно, – задумчиво проговорил рыцарь, – то, что путь от Средиземного моря до Иерусалима охраняли всего девять воинов, мало похоже на правду.

– И, тем не менее – это так, – произнес монах. – Именно поэтому я считаю, что тамплиеры скрывали свою настоящую цель пребывания в Святой земле.

– Но помилуйте, – недоуменно промолвил рыцарь, – какая еще может быть цель в Палестине, кроме войны за Священный Город?

– За Иерусалим они, конечно же, воевали, – поспешно сказал Бруно. – Но именно потому, что то, что интересовало их на Востоке, находилось в подземельях мечети Аль-Акса на Храмовой горе, в тех самых конюшнях.

– И вы знаете, что это было? – спросил серый рыцарь.

Минуту монах молчал, словно собираясь с мыслями.

– Понимаете, – медленно проговорил он, – это только догадки, как, впрочем, и все, что я вам сейчас говорил. Поэтому я прошу вас не распространяться о нашей беседе и, тем более, о том, что скажу сейчас. Обещаете?

– Клянусь, – ответил рыцарь.

Монах склонился к нему и прошептал несколько слов. Как показалось внимательно наблюдавшему за ними коту, в это мгновение лицо рыцаря приобрело странное выражение, удивленное и немного разочарованное.

– И все? – проговорил он.

– Да. Я считаю, что именно это и искали тамплиеры в подземельях на Храмовой горе, – веско сказал Бруно.

– Но зачем?

– А вот это и предстоит выяснить, Кристофер...

Рыжий кот на ветке прикрыл один глаз и повел ушами. Эти люди обсуждали что-то совершенно невразумительное.

– Вы ведь, я слышал, собираетесь в Крестовый поход? – продолжил Бруно после некоторого молчания.

– Это правда, святой отец – кивнул рыцарь, которого пора уже и представить нашему читателю.

Это был Кристофер Джефферсон – молодой лорд, упоминавшийся среди друзей Ричарда Корнелия и Артура Бэртона в других частях этой книги. Повествование всегда касалось его лишь вскользь, никогда не останавливаясь на его фигуре. А между тем, фигура эта была занятной, как и его история.

– Вы приняли правильное решение, мой друг, – подумав, сказал Бруно. – Мне в ваши годы тоже не сиделось на месте. Вы – молодой человек, вам будет полезно постранствовать и повоевать. А у меня, раз уж вы все равно окажетесь на Востоке, будет к вам поручение, верней – просьба. Мы с вами давно знакомы, и я надеюсь, что вы не откажетесь мне помочь...

– Почту за честь, – ответил Джефферсон, – скажите лишь, как.

– Моя просьба состоит в следующем: от вас требуется помочь мне разгадать эту загадку. Я думаю, вы можете это сделать. У вас ведь, кажется, родственники состоят в ордене Храма?

– Да, – сказал рыцарь, – но очень дальние...

– Все равно, – произнес монах, – какие-то связи среди них вы имеете. Кроме того, я снабжу вас несколькими рекомендательными письмами от людей, пользующихся доверием Великого магистра, они вам помогут. В предстоящей войне храмовники примут самое активное участие, в этом можете быть уверены. Но вас, Кристофер, я, тем не менее, прошу в Палестине не быть героем. Не лезьте в сражения, не подставляйтесь под удар. Поверьте, сарацин победят и без вас. Ваша задача не драться, а думать и наблюдать. Вам надлежит действовать в тени Храма...

Он вдруг понизил голос и тихо проговорил.

– И запомните главное: для вас должно быть совершен-

но не важно, что они там искали, и не имеет значения даже, нашли они это или нет. Единственное, что от вас требуется, Кристофер, – выяснить, для чего это им понадобилось. У меня есть предположение и на этот счет, но мне нужно подтвердить его. Вы поняли меня?

Рыцарь молча кивнул.

– Завтра зайдите ко мне за рекомендательными письмами, – уже обычным голосом сказал Бруно, – и, кроме того, я обеспечу вас золотом на все необходимые расходы. Жду вас в полдень в монастыре.

И монах покинул площадь.

Вот такой примечательный разговор, который начала слушать синица, а дослушал бродячий кот, состоялся утром в среду, двадцать первого мая, под зацветшими липами возле готического собора. Но кот ничего этого, конечно, не понял.

Когда Бруно ушел, Кристофер Джефферсон задумался, размышляя над его рассказом. «Вскоре после освобождения Гроба Господня девять рыцарей занялись охраной пилигримов и расчисткой обширного помещения под Храмовой горой... – мысленно повторил он слова монаха, – и в течение десяти лет приняли в свои ряды лишь одного человека...» Это и вправду казалось странным. Возможно, отец Бруно был прав в своих предположениях. Совершенно очевидно, что что-то за этим крылось, вот только что именно, и то ли, что предполагал монах? Размышляя так, рыцарь дошел до

коновязи, где оставил лошадь, и, взобравшись в седло, поехал домой.

Кристофер Джефферсон был молод. Он имел титул лорда и замок с башнями, был богат и происходил из очень знатной фамилии норманнских аристократов. Судьба распорядилась так, что ему, связанному вассальными обязательствами, приходилось отправляться в Крестовый поход, но это ничуть не удручало рыцаря. Молодой лорд еще не был женат, а пиры и охота успели наскучить, поэтому он и сам считал, что, как сказал его приятель-монах, развеяться ему было бы полезно.

Со старым Бруно его связывало давнее знакомство. Так получилось, что земля небольшой обители, настоятелем которой являлся Бруно, граничила с владениями Джефферсона. И рыцарь, когда был еще моложе, часто охотясь в своих лесах и преследуя дичь, ненароком вторглся в уголья монастыря, вызывая справедливое негодование монашеской братии, ловившей его и его собак. Однако отец Бруно снисходительно относился к этим проступкам лорда Кристофера, тогда бывшего еще совсем мальчишкой, и всякий раз выпроваживая его из владений своей обители, приглашал зайти исповедаться, а иногда и побеседовать об Иисусе Христе.

При монастыре имелась обширная библиотека, в которой, помимо Библии, трудов Фомы Аквинского и сочинений античных философов, можно было найти очень редкие книги. Там хранились трактаты гностиков и манихейцев, а также

неканонические Евангелия. Мудрый Бруно не рекомендовал их читать.

– Это ложь, – предупреждал он. – В апокрифах нет истины.

Кристофер Джефферсон не спорил с этим, но все же прочел кое-что, просто из любопытства. Впрочем, религия не играла в его жизни особой роли. К тому моменту, когда состоялся разговор, описанный в начале рассказа, Кристофер не виделся с монахом несколько лет. Постаревший Бруно почти не покидал своего монастыря, а молодой лорд был занят другими делами. Однако неожиданно он встретил его после утренней службы возле собора.

Зная Бруно, вряд ли это было случайно. И странные слова монаха подтверждали это. Необычное поручение, с которым Бруно обратился к рыцарю, явно возникло не просто так, а вследствие каких-то причин, скрытых от понимания Джефферсона. Откуда вообще святому отцу стало известно, что он собирается в Крестовый поход?

Впрочем, это не смущало Кристофера. Все равно отправляясь в Святую Землю, он не видел проблемы в том, чтобы при случае попытаться собрать какие-нибудь сведения по интересующему монаха вопросу. Они с Бруно на самом деле были давними приятелями и, кроме того, Джефферсон был немного должен монаху. Когда-то тот помог лорду Джефферсону в одной истории, не имеющей, правда, отношения к описываемым событиям. Речь тогда шла о некой прекрасной

даме... Это случилось довольно давно, но Кристофер до сих пор так и не сумел найти повода, чтоб отблагодарить святого отца. И в случае с Бруно, это тоже, скорее всего, было не случайно. Долг Джефферсона он приберегал для особого случая, и, видимо, этот случай настал.

Так или иначе, но молодой рыцарь и сам был заинтригован. Дальние родственники Кристофера, действительно, состояли в Ордене Храма, но ничего из того, что рассказал Бруно, он не слышал ранее. Разобраться в этой запутанной тайне было бы интересно.

Тем временем рыцарь подъезжал к своему замку. День выдался по-летнему жаркий и солнечный. Ярко зеленели кусты и деревья, трава шелестела на легком ветру пышным ковром, расцвеченным пестрыми огоньками цветов. В высоком небе кружили и пели птицы, на деревенских огородах мирно работали крестьяне, пропалывая грядки от сорняков. Возле пологого холма паслось стадо. Глядя на эти картины, сложно было представить, что одновременно с открывшейся взору идиллией в этом же самом мире существуют пустыни и война – другая реальность, состоящая из мертвых сухих песков и сходящихся в битвах армий, из караванов верблюдов, спешащих укрыться в оазисе от внезапной бури, из жестоких кочевников, скорпионов и змей...

Вскоре показался замок Джефферсона. Это было величественное строение с мощными стенами и четырьмя круглыми башнями по углам. Крепость, правда, не имела рва,

но в остальном могла служить образцом фортификационной архитектуры. Вокруг замка привольно раскинулись зеленые луга, уходящие вдаль к подернутому дымкой горизонту, и яблоневые сады, сейчас обильно украшенные белыми цветами. К воротам крепости вел широкий и ровный тракт, по которому спустя несколько минут Кристофер Джефферсон въехал в свой замок.

Внутри царили прохлада и тишина, тепло весеннего дня и разнообразные звуки оставались снаружи, не в силах проникнуть сквозь толстые стены крепости. Крутая лестница вела в обеденный зал. Поднявшись по ней, Джефферсон вошел в просторное помещение.

Следом за рыцарем, подпрыгивая и пританцовывая, в залу ввалился его придурковатый шут по прозвищу Рваные Башмаки. Одетый в лохмотья, сшитые из разноцветных лоскутков, и колпак с приделанными к нему звенящими колокольчиками, он чему-то смеялся, бессмысленно смотря на лорда.

– Хотите шутку, милорд? – воскликнул он.

– Нет, – сказал Джефферсон, – ступай...

– Ну, право, господин, вы много теряете, – настаивал Рваные Башмаки, – такого, что могу сказать я, вы больше нигде в мире не услышите! Не найти вам вовек такой мудрости!

– Что ты можешь сказать? Ты просто полоумный дурак...

– *Кое-что на свете, кажется не таким, какое есть...* –

быстро произнес шут и хитро подмигнул хозяину.

– Что ты плетешь?.. – начал Джефферсон, нахмурившись.

– Ну, вот и сказал! – радостно закричал Рваные Башмаки. – Вы не поняли?.. Ладно – шутка: если корова родила льва, кто виноват?

– Не знаю...

– Львица! – и шут зашелся истерическим хохотом. – Плохая она жена, раз лев гуляет с коровой!

– Ну, шутка, может, и ничего... – снисходительно проговорил Джефферсон. – Но не морочь мне голову. Ступай вон!

– А что вы такой задумчивый, господин? – затараторил дурак, вращая глазами. – И шутки мои не нравятся... Что-то вы бледный, не больны ли вы? Может, вас отравили?

– Не мели чушь, – отмахнулся рыцарь, – я просто задумался... Понимаю, тебе это трудноато осознать...

– Да, наверное, даже и не смогу, – серьезно сказал шут. – А зачем вы думаете? И о чем?

– О жизни, Рваные Башмаки, – проговорил Кристофер. – Скоро я отправляюсь на Восток, в Крестовый поход...

– Восток?! Восхитительный край! – завопил шут. – Все будет к вашим услугам – пески, скорпионы, змеи! Какие богатства! Какие возможности! Будете таскать за хвосты верблюдов, летать на коврах-самолетах, заведете гарем со сказочницей... Эх, меня бы на ваше место!

Он прошелся по комнате колесом и стал на голову, пытаюсь ухватить себя рукой за пятку.

– А что, Рваные Башмаки, – усмехнувшись, сказал Кристофер, – если хочешь, могу взять тебя с собой.

При этих словах шут грохнулся на пол, но уже через секунду поднялся и неожиданно ясно и осмысленно посмотрел на хозяина.

– Да что я, дурак, что ли!?! – сердито проговорил он совершенно вменяемым голосом и стремглав убежал из зала.

На другой день около двенадцати часов рыцарь приехал в аббатство Бруно. Обитель стояла на пригорке возле старинной дубравы, шумящей густой листвой. Древние стены монастыря поросли мхом, но ни единой трещины не удалось бы на них найти, несмотря на почтенный возраст.

Эта обитель была основана давным-давно монахами из Ирландии, проповедавшими христианство среди язычников, населявших тогда эти места. Возле монастырских стен находилось небольшое спокойное озеро с прозрачной водой, в которой, как в зеркале, отражалось аббатство. Спешившись, рыцарь перешел через изящный мостик и ступил внутрь монастыря.

Настоятель Бруно ожидал его. Он прогуливался по внутреннему двору обители, раздавая указания своим насельникам, занимавшимся хозяйственными работами. Особое внимание Бруно уделял ярким цветочным клумбам, которые требовал поддерживать в идеальном порядке. Завидев Кристофера, аббат оставил дела и направился навстречу рыцарю.

– Здравствуйте, друг мой, – проговорил он, устало улыбнувшись гостю. – Давно вы не посещали стены моей обители.

Вы совсем забросили охоту, и моя братия больше не ловит вас и не притаскивает ко мне на исповедь. И не пригласи я вас вчера, вы вряд ли пожаловали бы сами...

Джефферсон поклонился святому отцу, собираясь с мыслями, чтобы достойно ответить, но Бруно сам продолжил разговор.

– Взгляните, какой сад мы завели, Кристофер, – с гордостью говорил он, обводя рукой цветущие клумбы. – Как вам мои маргаритки? Я их особенно люблю. В здешнем сыром, но довольно теплом климате, они чувствуют себя превосходно и стоят в цвету почти круглый год... Хотя вам, наверное, вряд ли интересны цветы. Вы еще слишком молоды, но доживете до моих лет и тогда меня вспомните, Кристофер...

Болтая так, он провел Джефферсона в свою келью и, затворив дверь, указал рыцарю на стул. Когда тот сел, монах произнес:

– Надеюсь, вас не очень утомили мои клумбы? – усмехнувшись, спросил он. – Ну а теперь, любезный, без посторонних ушей, закончим разговоры о садоводстве и перейдем к беседе об иных вещах. Размышляли ли вы над моей просьбой?

– Да, – сказал молодой лорд, – и ведь еще вчера я обещал вам помочь...

– Я рад, что вы не передумали, – проговорил Бруно. – Это, действительно, может оказаться очень важным. Но, должен честно предупредить, это может быть и не безопасным

для вас, мой друг. Тамплиеры ревностно берегут свои тайны, как, впрочем, и все остальные. Но вы отважны и, что еще существеннее, – не глупы, и я считаю, что вы можете добиться успеха в этом деле. Чтобы сильнее заинтересовать вас, скажу, что хоть вы человек и не бедный, но, тем не менее, за вашу помощь я найду возможность вас отблагодарить, и даже для вас это будет значимо.

Помолчав, он спросил, подводя итог:

– Итак, Кристофер, вы согласны?

– Я же уже сказал, что – да, – промолвил Джефферсон, – не в моих привычках менять решения.

– Хорошо, – коротко произнес монах.

Он порылся в книжном шкафу и достал оттуда несколько писем.

– Их покажете в прецептории ордена, – сказал Бруно, вручая рыцарю письма. – В них люди, очень уважаемые храмовниками, дают вам положительную характеристику и просят оказывать вам помощь.

В следующее мгновение из сундука, стоящего возле шкафа, аббат извлек увесистый мешочек, звенящий золотыми монетами.

– Тратьте, сколько сочтете нужным, – сказал монах, отдав кошелек. – В том числе и на себя самого. Это вам для начала. Когда потребуется еще – идите к генуэзским купцам и спросите вот этого человека, – на куске пергамента Бруно написал гусиным пером несколько слов. – Это большой мой

должник, он оплатит любые ваши расходы... Главное, Кристофер, будьте осмотрительны и сохраняйте осторожность. Впрочем, вы и сами это знаете... Еще раз благодарю вас за то, что согласились помочь, – закончил он.

– Всегда к вашим услугам, – промолвил Джефферсон, улыбаясь. – Кроме того, меня и самого заинтересовала эта история.

– А меня – нет! – неожиданно резко сказал монах, после чего добавил немного мягче. – Я уже в том возрасте, когда никакие истории не интересуют меня, Кристофер. И заниматься ими приходится только по необходимости. Вы очень молоды, и оттого вас пока увлекают апокрифы. Я же прожил жизнь и верю лишь в канонические Евангелия, но их всего четыре, и я давно выучил их наизусть... Когда я показывал вам мой сад, я был совершенно искренен. И откровенно скажу вам, сейчас он единственное, что имеет для меня значение.

Джефферсон не смог сдержать удивленный взгляд. Но Бруно уже закончил изливать душу.

– Не смею вас больше задерживать, – проговорил он. – Вам надо идти.

Молча поклонившись, Кристофер покинул обитель.

Несколько дней спустя Джефферсон посетил прецепторию тамплиеров. Так назывались территориальные управления ордена, главы которых подчинялись непосредственно

Великому магистру. Это был хорошо укрепленный замок, расположенный рядом с рекой, чьи высокие берега обеспечивали крепости естественную защиту с юга и запада. Возле ворот стояла стража, вооруженная алебардами. Объяснив привратникам цель своего визита, Кристофер показал одну из рекомендательных грамот, которыми его снабдил Бруно, и сказал, что хочет видеть прецептора.

Его отвели к массивной дубовой двери, располагавшейся на первом этаже в главной башне замка. Там Кристофера встретил монах средних лет, выполняющий обязанности писаря и секретаря. Ознакомившись с рекомендациями, он почтительно поклонился и сказал, что прецептор сможет принять посетителя через несколько минут.

Ожидая аудиенции, Джефферсон прохаживался возле двери по узкому коридору и неожиданно столкнулся со своим знакомым – рыцарем Джонатаном Бакером, одетым в плащ тамплиера.

– Неожиданная встреча! – воскликнул тот, узнав Кристофера. – Как ты здесь очутился?

– Да вот, пришел заявить об участии в Крестовом походе и представиться прецептору, – проговорил Джефферсон, не желая вдаваться в подробности. – А ты, я вижу, здесь свой? – добавил он, мельком взглянув на орденский плащ.

– Да, уже год, как я вступил в братство, – ответил Джонатан.

Они были ровесниками и владения их располагались по

соседству, друзьями их, тем не менее, назвать было сложно. Бакер всегда стремился соперничать с Кристофером, и в детстве они постоянно дрались. Впоследствии, если Джефферсон заводил десять гончих, то Джонатану необходимо было иметь двадцать, конь его непременно должен был быть чи-стокровнее, чем у соседа, а шпили на башнях – выше.

– То-то я думаю, что тебя теперь редко видно, – промолвил Кристофер.

Он не успел добавить что-либо еще – подошедший монах-секретарь, кланяясь, пригласил Джефферсона к прецептору. Кивком головы попрощавшись со знакомым, Кристофер направился к двери.

– До встречи в Святой Земле, Джефферсон, – проговорил ему вдогонку Бакер. – Я тоже там буду.

– Ну что же, хорошо, – отозвался Кристофер. – Все знакомые рожи...

Пожалуй, Джонатан мог оказаться ему полезен. Через него, как через какого-никакого приятеля, можно было попытаться выведать что-нибудь об ордене тамплиеров, раз уж он состоял в их рядах. Возможно, что как член их общества он обладал и какой-либо информацией по интересующему монаха Бруно вопросу. Вероятно, поэтому Джефферсон все же обернулся и произнес:

– Нет, правда, я рад был встрече!

О чем они говорили с прецептором, неизвестно. Но примерно через пятнадцать минут Кристофер Джефферсон по-

кинул территорию ордена. А еще спустя пару недель вместе с храмовниками отправился в Палестину.

Восток, Восток, изгоняющий паломников и мечами побивающий пилигримов, пришедших к тебе! Край дивный и проклятый! Сколько раз войска христиан стремились освободить тебя, но ты не захотел! И до скончания века не будешь ты ведать мира...

Шел Третий Крестовый поход. Кристофер Джефферсон вместе с друзьями штурмовал сарацинские города и рубился в грандиозных сражениях. По пути в Палестину он познакомился с несколькими рыцарями: отважным Ричардом Корнелием, молчаливым, но стойким Баном, решительным Бэртоном и беспечным Джеком. Вместе с ними ему довелось участвовать во множестве приключений. В этом повествовании речь о них идти почти не будет. Заинтересовавшихся их похождениями, отсылаю к другим рассказам и повестям. Основные же события истории Кристофера Джефферсона развернулись по окончании войны, когда дороги друзей разминулись.

Сражаясь с сарацинами, Кристофер старался не забывать о поручении, данном ему монахом. Однако, за время похода лорд совсем не продвинулся в исполнении своей тайной миссии и ничего, что мог бы рассказать пославшему его аббату Бруно, так и не разузнал.

Тем временем, война подходила к концу. Ричард Льви-

ное Сердце, увы, не сумел взять Иерусалим. Казалось, королевство рыцарей в Святой земле вот-вот возродится в своей прошлой славе... Но этого не случилось. Несмотря на храбрость и самоотверженность христианского воинства, Крестовый поход не достиг цели.

Когда с мусульманами заключили мир, бóльшая часть крестоносцев стала собираться в Европу. Покидали Палестину и друзья Кристофера. Лишь Артур Бэртон, произнеся свои достопамятные слова о вавилонских блудницах⁷, остался в Святой земле. Его личные дела на Востоке еще требовали завершения.

После прощания с товарищами Джефферсону предстояло решать, что делать дальше. Ехать домой и говорить святому отцу, что не сумел выполнить обещание, представлялось молодому лорду постыдным. Оставаться, как Бэртон, в Палестине – бессмысленным. Когда оба возможных варианта оказываются негодными, всегда следует выбирать третий...

– Едем в Константинополь! – внезапно предложил Джонатан Бакер, с которым они случайно столкнулись в маленькой таверне в Яффе и сидели теперь, распивая кувшин красного сухого вина. – Едем в Константинополь, Кристофер! Ты ведь тоже не знаешь, куда направить путь! Поверь, это потрясающий город, какого тебе еще видеть не приходилось! Я как раз завтра отправляюсь туда...

⁷ Подробнее об этом можно прочесть в повести «Корнуэльский рыцарь. Приключения Артура Бэртона» в первой части книги.

– Зачем тебе в Византию? – с сомнением спросил Джефферсон, хотя, надо сказать, предложение его заинтересовало.

– По делам ордена... – уклончиво ответил Джонатан. – Нужно доставить послание ко двору василевса... Но это не важно. Главное – там можно здорово провести время! В Константинополе потрясающая роскошь, лучшее вино и прелестные девушки!

Представив описываемые богатства, Кристофер усмехнулся.

– Я-то тебе для чего? Одному больше достанется...

– Вдвоем веселее! – грустно улыбаясь, пояснил захмелевший храмовник. – После крестового похода у меня не осталось друзей – все полегли при Арсуфе, в Асколоне, в этой проклятой Яффе... А с тобой мы, как-никак, давно знакомы... Едем! Все равно ты не знаешь, что делать дальше...

– Как и все мы, – тихо ответил рыцарь, в душе тяжело переживающий неудачу христиан, – кто же мог думать, что Саладин возьмет верх.

– Вот, я и предлагаю – чем заняться теперь! – в пьяной нетерпеливости воскликнул Бакер. – Что, согласен?

Джефферсон на секунду задумался, однако лучших решений у него не было.

– Почему бы и нет! – произнес он, махнув рукой.

От души стукнув кружками, лорд с храмовником заказали еще по кувшину.

Вскоре они оказались в Константинополе. История не удостоила этот город правом называться вечным, но в те времена он превосходил собой Рим. Сосредоточение всех нитей жизни: политики, торговли, искусства, религии – без сомнения, находилось там.

Два рыцаря с туманных и бедных островов, называемых в древности Оловянными, скромно ехали по широким мощеным улицам, дивясь богатству византийской столицы. Джонатану уже случалось бывать здесь, поэтому он взял на себя обязанности проводника и с удовольствием показывал Кристоферу разнообразные достопримечательности.

Джефферсон никогда ранее не видел настолько большого города. Более того, ему чудилось, что до этого момента он вовсе не посещал городов – в сравнении с Константинополем они казались деревнями. Великолепные каменные дома, потрясающие мозаики, золотые купола огромных соборов, сверкающие на солнце – от всего захватывало дух.

Заметив восхищение приятеля, Бакер снисходительно улыбнулся.

– Потрясен? – промолвил он и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Погоди, это еще не все! Вскоре ты увидишь главное сокровище Константинополя!

Все расспросы заинтригованного Кристофера Джонатан оставил без внимания и только посмеивался, говоря, что следующее чудо затмит предыдущие. Не получалось даже представить, что это может быть.

В конце дня ожидался прием во дворце. Через византийских вельмож Бакер собирался передать для василевса важное послание от Великого магистра ордена тамплиеров. Вручить письмо лично рыцарь не мог, так как был недостаточно знатен для этого.

В назначенный час в палатах, обращенных к югу, собрались сановники. Тихо шелестели длинные шелковые одежды синих, желтых и черных цветов. Негромко звучали голоса переговаривающихся придворных. Воздух пах сладковатыми восточными благовониями. Иногда сквозь распахнутые окна в залу врывался вечерний бриз, разбавляя приторный аромат свежими нотами моря.

Крестonosцев подвели к пожилому мужчине с седой бородой.

– Куропалат⁸, – назвали его.

Бакер знал, что это высокая должность. Рыцарь протянул старцу запечатанный сургучом свиток. Но вместо сановника послание взял слуга.

– Господин сообщит императору, – передал он.

Друзья поклонились и собирались уйти, однако куропалат сделал едва заметный знак, приглашая остаться.

Через мгновение слуги принесли вино. Каждый держал большой поднос с водруженным на него серебряным кувшином. Другие подавали золотые кубки, инкрустированные

⁸ Куропалат – в Византии титул чиновника, обеспечивающего функционирование императорского дворца.

изумрудами и рубинами из Абиссинии. На подносах нашлось место упругим оливкам, сочному винограду, румяным персикам и другим чудесным плодам. Попробовав превосходного вина, крестоносцы почувствовали себя свободнее. И как раз вовремя.

В залу вошла очаровательная красавица. Увидевшему ее Кристоферу почудилось, что это грация или нимфа. Или еще какое-то сверхъестественное создание.

– Королева фей... – прошептал Джефферсон.

– Нет, всего лишь принцесса! – поправила она, расслышав неосторожные слова рыцаря, но поняв, видимо, только первое из них. Возможно, красавица не ведала кельтских легенд, а если и знала, то не стала отрицать своей связи с миром чудес.

– Это принцесса София, – торопливо сказал Кристоферу Бакер, – родственница василевса.

– Да, верно, – вновь расслышав, кивнула девушка. – А вы – благородные рыцари? Крестоносцы? Мне сообщили о вас.

Произнеся это, София сочла, похоже, что сказала достаточно. И замолчала, пристально смотря на Джефферсона и Бакера. Переводя взгляд с одного на другого, она остановила взор на Кристофере. Лорд был не из робких, однако почувствовал, как смущение подступает к лицу.

– Мы доставили послание для василевса... – зачем-то стал объяснять Джефферсон.

– Послание? Дайте взглянуть! – она решительно забрала

у куропалата свиток. – Я сама передам. Письмо защитников Гроба Господня не может ждать! И за ответом приходите ко мне, благородный рыцарь. Так будет быстрее.

– Позвольте! – неожиданно вмешался опомнившийся Бакер. – Это мое письмо!

София, кажется, уже забыла о другом крестоносце.

– Ваше? – принцесса с удивлением взглянула на Джонатана. – Ну, так и вы... приходите.

– И как тебе главное сокровище Константинополя?

Остатки вина вытекали из опустошенной бутылки. Бакер отшвырнул ее и взял новую. Доверху наполнив кружку, рыцарь сделал изрядный глоток. После чего налил Кристоферу.

Джефферсон пригубил вино. Они сидели на постоянном дворе на жестких скрипучих стульях, отдыхая после дня, насыщенного событиями.

– Что тут скажешь? Нет слов! Действительно, чудо!

– Я обещал, что оно затмит блеск соборов! – торжествующе напомнил Джонатан, будто в этом имелась его заслуга.

– Выходит, ты уже раньше видел принцессу? – уточнил Кристофер.

– Видел. Но никогда не разговаривал с ней до сегодняшнего вечера.

Бакеру, кажется, было трудно и, вместе с тем, необходимо обсудить это.

– Каждый раз, оказываясь по тем или иным причинам в

Константинополе, я искал встречи с нею, – признался он. – И не только я! Думаю, София вскружила головы многим. Даже нашим братьям, несмотря на принесенные обеты безбрачия!

Последняя фраза развеселила молодого рыцаря, и он от души рассмеялся. Однако слова о храмовниках натолкнули Джефферсона на иные мысли. Он вновь вспомнил о поручении аббата. И необычная идея посетила его. Кристофер даже удивился, что столь долго не использовал очевидной возможности. Он не был уверен, что поступает правильно. Но колебался лишь несколько секунд.

– Послушай, Джонатан, ты знаешь что-нибудь о конюшнях царя Соломона?

Джефферсон справедливо рассудил, что раз его приятель состоит в ордене тамплиеров, то вполне может оказаться посвященным в их тайны. А крепкое вино способно развязать язык. Грех не воспользоваться удачным случаем. «Главное – самому не сболтнуть лишнего!» – мысленно напомнил себе Кристофер.

Бакер, тем временем, начал пьянеть и терять нить беседы.

– Соломон... Соломон... – бормотал Джонатан. – У него был огромный гарем... Ты говоришь, у него были конюшни?.. Да, София – славная кобылка!..

Кристофер решил поведать ему, что узнал от аббата Бруно. Разумеется, не упоминая самого святого отца и его просьбу. И вообще, задумал преподнести все не как достоверный факт, а как некую легенду, которую ему когда-то рас-

сказывали. Этакый пробный шар.

Но молодого лорда ждало разочарование. Бакер внимал ему полностью безразлично. И даже слегка протрезвел от скуки.

– Никогда о таком не слышал! – равнодушно промолвил он, пожимая плечами, и вернулся к прежней теме.

Ему хотелось говорить о Софии.

Утром слуга из дворца сообщил, что ответ василевса можно будет получить послезавтра. Он также передал, что принцесса надеется лично вручить послание рыцарям. София держала слово: два дня для такого вопроса – действительно, очень короткий срок.

Время ожиданий требовалось чем-то занять. Неоднократно бывавший в Константинополе Джонатан имел в городе много знакомых. И, пользуясь случаем, решил навестить некоторых из них.

– Все – развлечение, – подумал Кристофер, присоединяясь к приятелю.

Бакер привел друга к небольшой православной церкви, с порога которой открывался прекрасный вид на лазурную бухту. Под крышей храма какие-то птицы свили гнездо. И Джефферсону представилось, что церковь эта как Ноев Ковчег, на котором спасаются люди и звери. Каждый по-своему.

– Здравствуйте, отец Фома! – поприветствовал Джонатан священника средних лет, ступив вместе с Кристофером под

расписанный херувимами свод. – Мы с другом оказались в Константинополе и, наконец, нашли время навестить ваш приход да заказать обедню!

– Я всегда молюсь о вашем здоровье, Бакер! – гулко раздался баритон иерея, чьи густые волосы, словно пудрой, были припорошены сединой. – И двери моего храма открыты для вас, хоть вы и католик! Что вновь привело вас в наш град? Дурное или хорошее?

– Дела, отче... – туманно ответил рыцарь. – Вы ведь знаете, что крестовый поход завершился?

– К несчастью, знаю, – печально кивнул священник. – И совсем не так, как хотелось бы христианам... Упокой, Господи, души павших воинов, защищавших Святой Твой Гроб!

Оба перекрестились, после чего Бакер представил спутника.

– Это мой друг и боевой товарищ – лорд Кристофер Джефферсон. Он впервые в Константинополе. И, кажется, совершенно восхищен блеском и мощью города!

Иерей с вежливым интересом взглянул на Кристофера.

– Действительно, так, – подтвердил рыцарь. – Европа бедна, как церковная мышь, а Восток настолько богат, что хочется унести домой хотя бы частичку этих сокровищ и показать людям, которые даже не представляют себе подобного!

Священник усмехнулся, и странное выражение промелькнуло в его глазах.

– Боюсь, что ваши предводители рассуждают так же, –

промолвил он, – хотя до поры и сдерживают себя. Но чувствую, что многим из них хотелось бы забрать византийские богатства с собой. И, кажется, совсем не для того, чтобы показать их наивным людям, как говорите вы...

– Прошу прощения, вы неправильно поняли мои слова, – проговорил Кристофер. – Я только хотел похвалить ваш город.

– Слова всегда несут несколько смыслов, – примирительно подняв руку, сказал настоятель. – Иной раз даже таких, что в них не закладывали. Любые слова – это код, который каждый истолковывает по-своему...

– Код? – растерянно переспросил Кристофер, чувствуя, что из всего сказанного лишь это имеет значение.

– Да. Тайна. Загадка для непосвященного, кто не владеет ключами к шифру. Можно спросить того, кто знает. Можно попробовать разобраться самому. У некоторых иногда получается. Но даже верно разгадав смысл, есть риск получить ошибочные сведения...

– В каких же случаях?

– Если создатели кода изначально зашифровали ложь.

Кристофер вздрогнул. Странная речь обескуражила его, однако, рыцарь не решился более задавать вопросов. В этот момент молодому лорду почудилось, что византийский священник чем-то неуловимо схож с аббатом Бруно. И явно знает больше, чем можно подумать... Какие секреты ему известны? Откуда? И для чего они скромному служителю

церкви? От подобных мыслей становилось не по себе.

Видимо, заметив смущение собеседника, иерей вдруг ободряюще улыбнулся.

– Оставим тайны! – промолвил он. – Все проще, чем кажется. Верьте в Бога, мой добрый рыцарь! И помните, что истина – это Христос! А все остальное только пытается ей казаться...

– Я попробую! – проговорил Джефферсон, совсем сбитый с толку.

Они с Бакером уже уходили, когда отец Фома внезапно крикнул вдогонку:

– Пойдите, Кристофер! Вы ведь хотели унести частицу Константинополя? Я могу исполнить ваше желание. Возьмите на память. Это Одигитрия⁹ – указующая путь. Надеюсь, с ее помощью вам будет легче отыскивать правильную дорогу.

Он достал маленькую иконку и протянул ее Джефферсону.

Еще через день крестоносцы вновь были во дворце. Ждать аудиенции пришлось недолго. София пожелала принять их в саду, возле большого фонтана. В окружении зелени и ярких цветов принцесса выглядела особенно привлекательно.

Она не спешила отдавать письмо и словно искала пред-

⁹ Одигитрия (в переводе с греческого – «Указующая путь») – один из наиболее распространённых иконописных типов изображения Богоматери с младенцем Иисусом.

лог, чтобы посетители задержались дольше. София спросила рыцарей, нравятся ли им ее растения, после чего попросила рассказать о земле сарацин, так как знала, что меж Евфратом и Тигром в древности существовали прекрасные сады.

Увы, ни Кристофер, ни Бакер не имели никаких сведений о легендарных садах и даже не слышали имени Семирамиды. Зато многое могли поведать о походной жизни, сражениях с мусульманами, жарких пустынях и стенах Иерусалима, которые довелось им однажды видеть издалека.

Поначалу не отдавая себе в этом отчет, крестоносцы стали состязаться за внимание девушки. Каждый старался перещеголять другого красноречием и более интересными подробностями. И, кажется, Кристофер оказался удачливей приятеля. София отметила его особенную учтивость, после чего захотела послушать о далекой родине рыцарей.

Бакер попытался в этот раз взять верх, но Джефферсон вновь обошел соперника. Сегодня, несомненно, был его день. Все мягче улыбалась ему принцесса, все увереннее звучала речь, и все более странным становился взгляд Джона-тана...

Кристофер не понял, как это произошло. Внезапно Бакер выхватил меч и рукоятью нанес ему удар в голову. Джефферсон не успел не то что защититься, а даже поверить, что все происходит на самом деле. Резкая боль подкосила ноги, земля и небо завертелись, сливаясь в одно. Откуда-то сверху слышался женский крик, но тотчас унесся вдаль, как и весь

ускользающий, рассыпающийся искрами мир. Рыцаря окутала вязкая темнота. И все смолкло. По-видимому, навсегда.

В саду вновь пели птицы. Напуганные случившимся, они упорхнули прочь, но некоторое время спустя вернулись. Их щебетание стало первым, что услышал Кристофер Джефферсон, приходя в себя.

Он все еще лежал там, где упал – во влажной сырой траве. Кто-то сильно тряс его за плечи. Открыв глаза, Кристофер увидел над собой смуглое бородатое лицо. В сознании все плыло, и Джефферсон не мог сообразить, кто перед ним. Лишь через несколько минут рыцарь узнал куропалата.

– Где твой сообщник? – гневно вопрошал тот.

– Сообщник? – лорд ничего не понимал.

– Да! Тот, кто похитил принцессу!

Вот так поворот! Бакер не просто его ударил. Все намного хуже. Но что нашло на Джонатана? Впрочем, раздумывать об этом следовало потом – старик явно был настроен решительно.

– Послушайте, – все еще заплетающимся языком проговорил Джефферсон, – я не имею к этому отношения.

Он попытался рассказать, что произошло. Однако сановник с досадой махнул рукой. Рыцарь не понял: поверил ли тот в его невиновность или, напротив, убедился в обратном?

– За представителем тамплиеров послали? – спросил куропалат кого-то позади себя.

Только сейчас Джефферсон заметил группу придворных, стоящих за спиной старика.

– Да. Лоренц Себастьян уже здесь.

На аллее показался крепко сложенный человек в орденском белом плаще. Черноволосый, в лице ни кровинки, с квадратным гладко выбритым подбородком и тонкой ниточкой плотно стиснутых губ – от одного взгляда на него стало зябко.

Рыцарь храма, не торопясь, подошел.

– Я уже знаю о случившемся, – негромко проговорил он. – Это, действительно, ужасно!

– И это все, что вы можете сказать? – взвился старик.

– А что вы ожидали услышать?

Всегда каменно-сдержанный, редко утруждавшийся даже произносить слова, царедворец сейчас совершенно утратил самообладание.

– Похищена родственница василевса! И похищена братом вашего ордена! А вы спрашиваете меня, что я ожидаю услышать?!

– Вы сказали все верно, – спокойно ответил Лоренц Себастьян, – за исключением одного: Джонатан Бакер не наш брат.

– Как это?! – опешил куропалат.

– Еще вчера он исключен из ордена. Оказалось, что этот молодой человек, на которого мы сначала возлагали большие надежды, подобен плоду хорошему внешне, но червивому

внутри.

– Что это значит?

– Это значит, что Бакер запятнал себя ужасными преступлениями, среди которых вероотступничество и хула на святую церковь. Поэтому мы исключили из наших рядов эту паршивую овцу. Таким образом, принцессу Софию Бакер похитил сугубо как частное лицо.

– Но еще в пятницу вы принимали его в своем доме!

– Да, – смиренно согласился тамплиер. – Говорю вам: преступления Бакера открылись только вчера. И вчера же мы исключили его из ордена. Так что в пятницу принимал я его как брата, а в субботу он им быть перестал.

– Это странно!

– Странно или нет, – бесстрастно парировал храмовник, – однако, орден не несет ответственности за случившееся. Тем не менее, мы готовы помочь вам поймать этого негодяя.

Куропалат явно рассчитывал не на такие слова. Но возразить ему было нечего.

– Хорошо! – наконец выдохнул царедворец и, помолчав секунду, добавил, переведя взгляд на Кристофера. – А второй рыцарь...

– Второй рыцарь окажет мне содействие в этом деле, – закончил за него Лоренц Себастьян.

Так начались странствия Кристофера с тамплиером. Они путешествовали вдвоем. Воинов, предоставленных василев-

сом, Лоренц Себастьян поделил на небольшие группы и отправил в разные стороны вести самостоятельные поиски. Джефферсона храмовник оставил при себе, но, кажется, и в нем не слишком нуждался. Тамплиер редко обращал внимание на спутника и почти ничего не говорил.

– Не пойму, зачем вы взяли меня с собой? – проговорил Кристофер, действительно не понимающий этого.

– С единственной целью, – равнодушно ответил Лоренц Себастьян, – чтобы куропалат в запальчивости не отправил вас к палачам. Царедворцы – люди жестокие...

– А вы?

– По обстоятельствам, – промолвил храмовник и прекратил разговор.

В дороге Джефферсон размышлял, что толкнуло Бакера на совершенное безрассудство. Быть может – любовь? Или, вернее, – страсть? Джонатан без сомнения был обуреваем ею по отношению к принцессе. Насколько легко человек может поддаться волнениям сердца, и как губительно порой они заслоняют разум... И новые мысли приходили ему: что, если он тоже влюблен в Софию?

Лоренц Себастьян терпеливо вел поиски. Тамплиер полагал, что Бакер постарается как можно скорее покинуть Византию и возвратится в Европу со своей пленницей. Храмовник опрашивал кабатчиков и работающих вдоль дорог крестьян, не видели ли они рыцаря с очень красивой девушкой?

– Да, милорд, – казалось, однажды искателям повезло. –

Несколько дней назад здесь проезжал всадник с очаровательной спутницей...

– Как он выглядел?

– Не заметил. Но помню, что в белом щите был изображен синий конь.

– Синий конь? – вмешался Кристофер Джефферсон. – Это герб Ричарда Корнелия – моего друга! Не думал, что вновь повстречаю его. Куда он поехал?

– Не видел... – развел руками селянин.

– Ну хоть скажите: блондинка с ним была или брюнетка?¹⁰

– Не знаю, не помню, было темно...

Больше от него ничего нельзя было добиться. Вновь встретить Дика оказалось не суждено...

Джонатана Бакера они все-таки выследили. Его видели пастухи, перегоняющие овец, и крестьянка, стиравшая белье в реке. По описанию это были именно он и София. Радовало, что девушка была жива и, кажется, невредима.

Судя по всему, Джонатан направлялся к пиренейским горам, куда-то в окрестности пика святого Варфоломея. Отчего-то это сильно нервировало тамплиера. Кристофер не мог понять: почему?

Они настигли беглеца спустя сутки. Вместе со своей пленницей он сделал привал возле руин старинного здания – не

¹⁰ Понять, почему Кристофер Джефферсон задал такой вопрос, можно прочитав повесть «Приключения Ричарда Корнелия, крестоносца из Йорка» в первой части книги.

то замка, не то церкви, а может, того и другого одновременно.

Джонатан, по всей видимости, не предполагал никакой опасности. София не была связанной. Да и какой смысл? Куда могла податься принцесса одна в чужой стране и в глухой местности?

– Попробуем захватить его живым, – прошептал Кристоферу Лоренц Себастьян.

Он снял с седла и зарядил арбалет.

– Все кончено, Бакер! – закричал храмовник, выходя из укрытия.

Джефферсон поспешил за тамплиером.

– С вами все в порядке, принцесса?

– Да, – ответила София. – Бакер не сделал мне ничего плохого.

– Сэр Лоренц! Кристофер! – произнес Джонатан, обернувшись к ним. – Не ожидал! Хотя следовало...

– Все кончено! – повторил храмовник. – Только дернись – и получишь стрелу в сердце! Ты знаешь – я не промахнусь!

– Знаю! – кивнул Бакер. – Но зачем?

В ту же секунду он отстегнул от пояса и бросил на землю меч. Тамплиер чуть было не выстрелил, однако успел сдержать руку.

– Я много думал последние дни... – проговорил Джонатан, будто отвечая на незаданный вопрос, и вдруг без всякой связи продолжил:

– Вам нужна девушка? Забирайте!

По его знаку София перешла к ним. Кристофер обомлел.

– Не удивляйся так, Джефферсон! – рассмеялся Бакер. –

История завершилась. Надеюсь, ни у кого нет претензий?

Кстати, я разгадал твою загадку про конюшни и тамплиеров.

Это всего лишь о...

Он не успел закончить. Лоренц Себастьян не промахнулся, как и обещал. Джонатан упал со стрелой в груди.

Кристофер с ужасом смотрел на кровь, вытекающую из его соперника-друга. И думал, что Бакер был в целом неплохим человеком. Какую истину он открыл? Что хотел сказать? Останки? Озеро? Опись? Или, быть может, Бакер узнал, что Великая Тайна Тамплиеров – это всего лишь Обман?..

– Зачем вы убили его? – воскликнул лорд. – Он же сдался.

– Чтобы сохранить жизнь вам! – ответил тамплиер. – Если бы он сказал еще хоть слово, эти две стрелы, – храмовник показал на колчан, – достались бы вам и ей. А я этого не хотел!

Сказав так, Лоренц Себастьян удалился, оставив Кристофера с Софией. Им предстояло еще одно объяснение. Окрестности замка Монсежюр навсегда сохранили эту тайну...

Через несколько недель рыцарь попросил девушку стать его женой. Принцесса ответила, что согласна, если он примет православие. Джефферсон выполнил ее условие.

Кроме того, Кристофер написал два коротких письма: мо-

наху Бруно и Великому магистру.

Бруно он написал: «Ваше преподобие, вы были совершенно правы».

А магистру: «Аббат Бруно построил совершенно ошибочную версию. Можете его не опасаться».

Хотя кто знает, для чего они были написаны? Может, для того чтобы окончательно все запутать? Кому Джефферсон сказал правду, и чью в итоге принял сторону, осталось загадкой. И вполне возможно – ничью. *Обретя Софию*, Кристофер больше не участвовал в интригах и распрах.

Спустя очень много лет, в глубокой старости, приняв перед кончиной монашеский постриг под именем Евстратия, Кристофер Джефферсон умер в православном монастыре.

На этом завершаются истории о крестоносцах – истории о человеческой судьбе, направляемой провидением, пути которого неисповедимы, но неизменно устремлены к благу.

Гербы крестоносцев

Ричард Корнелий

Блазон¹¹:

На серебряном поле над лазоревой оконечностью той же эмали – мчащийся дикий конь.

¹¹ Блазон – геральдический термин, означающий словесное описание герба.

Щит увенчан стальным рыцарским шлемом с лазоревым, подбитым серебром наметом, лазорево-серебряным бурлетом и нашлемником в виде лазоревой лошадиной головы.

Под щитом на лазоревой ленте серебряными литерами начертано: «Не стой на пути!»

Артур Бэртон

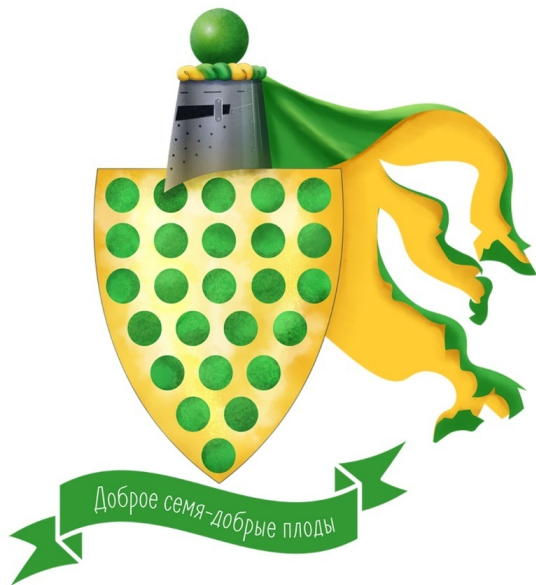
Блазон:

На червленом поле меж серебряными столбами того же металла – лев.

Щит увенчан стальным рыцарским шлемом с червленым, подбитым серебром наметом, червлено-серебряным бурлетом и нашлемником в виде серебряной львиной головы.

Под щитом на червленой ленте серебряными литерами начертано: «Не клыками, но храбростью».

Джек

Блазон:

Золотое поле, усеянное яблоками.

Щит увенчан стальным рыцарским шлемом с зеленым, подбитым золотом наметом, зелено-золотым бурлетом и на-шлемником в виде зеленой сферы.

Под щитом на зеленой ленте золотыми литерами начертано: «Доброе семя – добрые плоды».

Бан

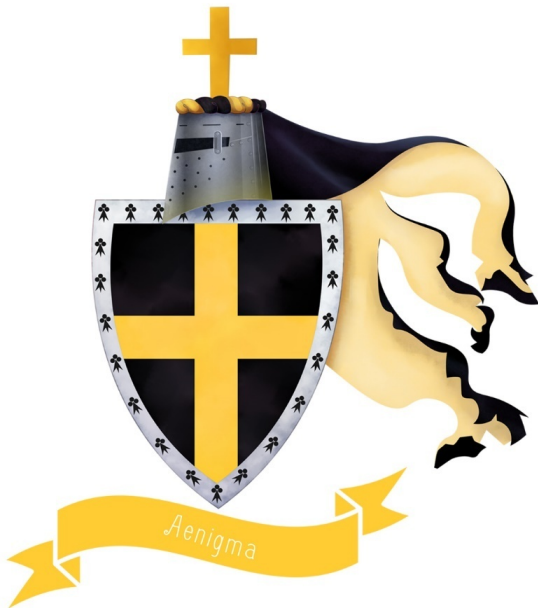
Блазон:

В серебряном поле – черный брусок.

Щит увенчан стальным рыцарским шлемом с черным, подбитым серебром наметом, черно-серебряным бурлетом и нашлемником в виде черного и серебряного воловьих рогов.

Под щитом на черной ленте серебряными литерами начертано: «Тверд, как камень».

Кристофер Джефферсон

Блазон:

На черном поле с горностаевой каймой – золотой крест.

Щит увенчан стальным рыцарским шлемом с черным, подбитым золотом наметом, черно-золотым бурлетом и на-шлемником в виде золотого креста.

Под щитом на золотой ленте начертан девиз на латинском языке. Но поскольку в компании друзей-крестоносцев никто (включая Джефферсона) латыни не знал, то и Бог его знает, что там было начертано...